

ЛАНА СИНЯВСКАЯ

ДАР ЛЕСНОЙ ОТШЕЛЬНИЦЫ

ОЧЕНЬ СТРАШНЫЙ ДЕТЕКТИВ

«ЛАНА СИНЯВСКАЯ — УЧАСТНИЦА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОЕКТА
«БИТВА ЭКСТРАСЕНСОВ».

Приключения ясновидящей Анны Сомовой

Лана Синявская

Дар лесной отшельницы

«Автор»

Синявская Л.

Дар лесной отшельницы / Л. Синявская — «Автор»,
— (Приключения ясновидящей Анны Сомовой)

ISBN 978-5-699-32654-9

Среди гиблых болот, в особняке предпринимателя Барскова, торговца лягушачьим мясом, происходят ужасные вещи. На Анну Сомову, обладающую способностью бороться с нечистой силой, последняя надежда несчастного бизнесмена. А в особняке, как и во всей округе, действительно нечисто. Пару веков назад, как выясняет Анна, здесь загубили невинную душу, так что места эти прокляты. Силы зла властвуют над ними... Анна пытается бороться, но Барскова спасти не удастся. Он... застрелился в день своего рождения. Смерть подступает и к самой Анне. И тогда, оседлав вороного коня, она мчится за помощью к старой отшельнице, которая живет на болотах...

ISBN 978-5-699-32654-9

© Синявская Л.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лана Синявская

Дар лесной отшельницы

Посвящается Машину С.В.

Учителю и Другу

Пролог

1786 г

Лошади не вернулись. Уже стемнело, и Колобейчик понял, что придется отправляться на их поиски. Такое случалось не в первый раз, но именно сегодня Колобейчику особенно не хотелось выходить из дома и болтаться по окрестностям в промозглой ночи. Туман, который здесь, на болотах, почти никогда не исчезал, сегодня был особенно густым. Колобейчик поежился при одном воспоминании о липкой сырости и, нехотя поднявшись со стула, поплелся к двери.

На душе у него было муторно. Он и сам не мог понять, откуда взялось это чувство – особенно впечатлительным он не был, а вот сегодня вдруг раскис. Он чувствовал себя усталым и подавленным, его переполняли дурные предчувствия, и это было странно. «Кажется, я заболела», – подумал он и от этой мысли почувствовал облегчение, ведь она все объясняла.

Колобейчик натянул шубу, снял с вбитого в стену крюка уздечку и распахнул входную дверь. В дом клубами ворвался густой туман. Колобейчик вышел на крыльцо и не спеша спустился по ступеням во двор.

Туман был таким плотным, что казалось, накрапывает дождь. Влага сразу же осела на лице, стекая ручейками. Снова поежившись, Колобейчик нехотя зашагал по направлению к высоким деревянным воротам, проклиная строптивых коней, мерзкую погоду и темную, безлунную ночь.

Лошади как в воду канули. Он бродил по окрестностям уже больше часа, и безуспешно. Далеко впереди Колобейчик заметил вереницу мерцающих огоньков, которая медленно двигалась ему навстречу. Он сразу догадался, что это означает: в округе бушевала моровая язва. Местные жители, измученные этой напастью, собрались на крестный ход.

Процессия приближалась. Впереди, помахивая кадилом, торжественно шел батюшка. За ним трое несли чудотворные иконы, бережно обернутые вышитыми рушниками. Остальные несли зажженные свечи и истово крестились.

Колобейчик сошел с дороги в сторону, чтобы пропустить молящихся. Когда они поравнялись с ним, он снял шапку, поклонился шедшему во главе процессии священнику в пояс и потихоньку направился дальше. Он успел отойти всего на несколько шагов, когда его окликнул хриплый голос:

– Эй! Ты что здесь делаешь?

Колобейчик немного удивился, но остановился и обернулся на зов. Вид сгрудившихся в кучу людей неприятно поразил его. Десятки глаз были устремлены на него, и он мог бы поклясться, что в них не было и тени дружелюбия.

– Ты чего по ночам в поле бродишь, спрашиваю? – повторил все тот же голос уже более настойчиво. Кажется, Колобейчик узнал Ваньку Строгинова, известного на всю округу задиру и драчуна.

– Да вот, кони у меня... того... пропали... – Колобейчик не узнал свой собственный голос, отчего-то звучащий очень неуверенно. Он откашлялся, прочищая горло. – Коней ищу, – повторил он уже громче. – Убрели куда-то, проклятые.

– Ишь ты! Коней! Это ночью-то? – недоверчиво спросил другой голос. Остальные негромко переговаривались между собой и медленно подходили все ближе.

Неожиданно Колобейчик ощутил непреодолимое желание броситься наутек и торопливо одернул себя, рассердившись на глупые мысли. С чего ему убегать? Разве он сделал что-то дурное?

Он понял свою ошибку только тогда, когда тесное кольцо людей плотно сомкнулось вокруг него. Вглядываясь в мрачные лица, он с ужасом догадался, что все эти хорошо знакомые ему люди замышляют что-то страшное.

– Братцы, вы чего? – испуганно прошептал он, чувствуя, как холодная струйка пота потекла за воротник.

– Ладно тебе. Не прикидывайся, – оборвали его из толпы. – Попался, упырь проклятый. Теперь не отвертись!

– Да вы что! – закричал Колобейчик. – Какой упырь? Это же я, Колобейчик!

Но никто не слушал его криков. Точно обезумевшие, люди набросились на него, жестоко избивая, разрывая в клочья одежду. Они повалили его на землю и продолжали пинать ногами. Он не сопротивлялся, только старался уберечь голову от страшных ударов.

Он потерял сознание и очнулся, когда дикая, возбужденная толпа поволокла его к одиноко стоявшей у дороги осине.

Его примотали к дереву невесть откуда взявшимися веревками и принялись допрашивать, каким колдовством он сумел вызвать моровую язву. Колобейчику казалось, что он сошел с ума. Или сошли с ума его мучители. Еле шевеля разбитыми губами, он пытался убедить их в том, что невиновен, но все было бесполезно.

– Сжечь его! – выкрикнул кто-то.

Мужики зароптали, и Колобейчик с ужасом услышал, что многие поддерживают безумную идею.

– Сжечь! Сжечь! – несло со всех сторон.

– За что?! – выкрикнул он. – За что?!

– Погодите! Мы не можем казнить его без приговора городского суда, – неожиданно раздался в жутком гвалте ровный голос.

– Слава богу! Вершинин, умоляю, объясни им, что я ни в чем не виноват! – взмолился Колобейчик, узнав своего старого друга.

Но толпа не желала подчиняться доводам здравого рассудка. Они угрожающе надвинулись на Вершинина. Тот отступил, но снова повторил, что нужно дождаться решения суда.

– Суд, говоришь? – прищурился один из мужиков, рослый и сильный Демьян. – Пока мы судить да рядить будем, он все живое под корень изведет. Вот помяните мое слово. А если вы, барин, настаиваете, что ж, извольте, выполним вашу волю, но только вы наперед расписочку напишите, что всю ответственность за его черные дела на себя берете.

Одобрительный гул голосов ясно подтвердил, что на стороне Демьяна подавляющее большинство собравшихся.

Вершинин побледнел. Он ясно понимал, к каким последствиям может привести такая расписка. Толпа наступала.

– Ну что, барин, – не унимался Демьян, нависая над ним, – будете писать?

– У меня чернил нет, – попробовал отговориться Вершинин.

– Эка беда, – усмехнулся мужик. – Будут чернила. Васька, беги-ка к старосте в деревню за бумагой и чернилами. Так как же, барин?

Вершинин затравленно переводил взгляд с истерзанного тела своего старого друга на напряженно молчащих мужиков. Потом опустил глаза и глухо проговорил:

– Некогда мне писать. Жгите!

Восторженный рев раздался в ответ. Колобейчик понял, что все пропало и теперь ему нет спасения. Несколько человек со всех ног бросились к ближайшему перелеску за хворостом, остальные сгрудились вокруг дерева. К Колобейчику подвели священника для исповеди.

– Батюшка! Христом-богом вас прошу: остановите их, не берите грех на душу. Ведь невинного на смерть обрекаете! Смилуйтесь!

Только тень сомнения мелькнула на лице святого отца при этих отчаянных словах. Но она была слишком слабой, чтобы перевесить суеверный страх перед черным колдовством, в котором обвиняли несчастного. Поэтому священник ответил приговоренному:

– Мое дело позаботиться о твоей душе, сын мой, а о теле позаботятся остальные. – Он обернулся к застывшей в ожидании толпе. – Жгите!

Мучения приговоренного были так ужасны, что он потерял сознание задолго до того, как шустрый Ванька запалил огромный костер.

Перед казнью Колобейчику отрубили кисти обеих рук, чтобы он не смог творить заклинания на том свете.

Язычок пламени нехотя лизнул отсыревшие дрова и вскоре потух, но жаждущие расправы сельчане поджигали костер снова и снова, до тех пор, пока огонь не взметнулся высоко в небо, поглотив безвольно повисшую на веревках фигуру.

Толпа, замороженно следящая за страшной казнью, была настолько поглощена зрелищем, что никто не заметил темный силуэт человека, словно призрачная тень возникшего за их спинами на опушке леса. Глубоко запавшие глаза его некоторое время были прикованы к полыхающему костру, а затем он растворился среди деревьев так же бесшумно, как появился.

Спустя два часа все было кончено.

Глава 1

– Анна, прекрати истерику!

Петра Ивановича Сидорова переполняло возмущение. Он возвышался посреди кабинета, как огромный, рассерженный слон, попавший в тесную клетку. Не успев закончить фразу, он уже корил себя за несдержанность. Обычно он не любил повышать голос, но необоснованное, на его взгляд, упрямство лучшей сотрудницы вывело его из равновесия.

Стоявшая перед ним хрупкая, маленькая девушка в строгом темно-сером костюме вовсе не выглядела истеричкой. Ее бледное лицо оставалось спокойным, разве что вздернутый чуть выше, чем обычно, подбородок и крепко сжатые губы выдавали внутреннее напряжение.

Петр Иванович бросил на нее осторожный взгляд и почувствовал раскаяние за грубую реплику.

– Ну Аннушка, ну что за глупости, в самом деле? – произнес он виновато. – Объясни мне, почему ты так протестуешь против обычного поручения?

– Потому что командировки для встречи с потенциальными клиентами не входят в круг моих обязанностей, – тут же откликнулась девушка.

– Клиентами! – фыркнул Сидоров, как будто услышал удачную шутку. – Не обычными клиентами, а вы-да-ю-щи-ми-ся! – Он поднял вверх указательный палец, чтобы придать дополнительный вес своим словам. – Неужели ты не понимаешь, насколько перспективным может быть предложение господина Барскова?

– Я этого не отрицаю. Только пошлите к нему кого-нибудь другого. Орлову, например. Она прекрасно справится...

– Но он требует именно тебя! – перебил ее Сидоров, в отчаянии стиснув руки, отчего стал напоминать оперного певца, исполняющего финальную трагическую арию.

– Хотелось бы мне знать, откуда он вообще знает о моем существовании, – задумчиво проговорила Анна.

– Ну тебе-то это раз плюнуть... – начал Сидоров и осекся. Голубые глаза Анны полыхнули таким огнем, что ему стало не по себе. Вообще-то он уже не один десяток лет провел на руководящей работе и прекрасно владел искусством укрощать чересчур независимых подчиненных, но эта странная девушка одним взглядом могла поставить на место любого, независимо от чинов и рангов.

Враждебный огонь исчез из ее глаз, словно его и не было, она опустила голову, рассматривая покрытый свежим лаком паркет у себя под ногами. Сидоров, глядя на ее макушку, увидел в черных густых волосах широкую седую прядь. Он отвел глаза, так как каждый раз испытывал неловкость и непонятное беспокойство при виде этой прядки. Он прекрасно знал, откуда у молодой женщины, которой едва исполнилось тридцать, эта жуткая отметина...

Анна по-прежнему молчала. Но не из-за упрямства. Просто раздумывала, как ей поступить.

С одной стороны, она была совершенно права: для поездок к иногородним заказчикам существуют рекламные агенты. Ее же задача – обрабатывать материал, разрабатывать план рекламной кампании и придумывать тексты, представляющие товар или услуги заказчика в самом выигрышном свете. И, видит бог, она всегда справлялась с этой работой блестяще.

Кроме того, Анна ужасно не любила путешествовать. О самолетах речь вообще не шла – Анна никогда не летала, но даже обыкновенную поездку в поезде, затянувшуюся больше чем на сутки, она воспринимала как изощренную инквизиторскую пытку. Ее просто пугало вынужденное уединение в тесном купе с совершенно незнакомыми людьми, так и норовящими затеять разговор «по душам».

Все это так. Но огорчать начальника ей тоже не хотелось. Собственно говоря, именно его личные качества – порядочность, предприимчивость и, несомненно, умная голова – и послужили причиной ее возвращения на прежнее место работы.

Сидоров руководил преуспевающим рекламным агентством «Селена» всего четыре месяца. Прежний начальник, которого Анна, к слову сказать, терпеть не могла, после печальных событий прошлой весны считал за лучшее поскорее избавиться от получившего скандальную известность агентства. Анна, имевшая непосредственное отношение к тем самым событиям, поначалу решительно ушла с работы. «Приключение», ставшее причиной появления в ее волосах ранней седины, стоило ей дорого, но принесло некоторую финансовую независимость: она не только вычислила и уничтожила жестокого маньяка-убийцу, но и завладела частью старинного клада, за которым так рьяно охотился Собиратель. Поразмыслив, Анна не стала оставлять драгоценности у себя и разделила их между родными тех, кто стал невинными жертвами Собирателя. Возможно, это могло показаться кому-то сентиментальной глупостью, но по-другому Анна поступить не смогла. И не захотела.

В результате у нее остался только изумрудный гарнитур – браслет, кольцо и подвеска, – который и сам по себе стоил немалых денег, коих хватило бы лет на десять безбедного существования, но Анна не пожелала расстаться с такой красотой, по крайней мере до тех пор, пока не возникнет в этом острая необходимость.

Таким образом она оказалась в сомнительном положении – владела безумно дорогими украшениями и была крайне ограничена в средствах. Конечно, ей пришлось подумать о поиске новой работы. Именно этим она занималась, когда на пороге ее дома возник огромный, немного неуклюжий человек с умными глазами. Сидоров явился к ней лично, чтобы предложить вернуться в «Селену». Они проговорили три часа. В результате Анна, до этого момента твердо уверенная в том, что ни за какие блага мира не вернется на старое место, попросила два дня на размышления. Но, уже запирая за Сидоровым дверь своей квартиры, она понимала, что примет его предложение.

Так она снова оказалась в своем кабинете и до этой минуты ни разу не пожалела об этом решении. Что же ей теперь делать? Она искоса глянула на шефа, замершего в ожидании. Он не торопил ее с ответом, и она твердо знала, что в случае отказа он ни за что не станет подвергать ее каким бы то ни было репрессиям. Это-то и плохо. Предстояло принять решение на свой страх и риск.

Черт бы побрал этого капризного клиента. Втемяшил себе в башку какую-то блажь: вынь да положи ему Анну Сомову. Но Сидоров здесь ни при чем, и подводить его она не будет. Деньги агентству нужны позарез, а тем более очень большие деньги – господин Барсков на расходы не скупился. Ну хоть какой-то плюс, – усмехнулась про себя Анна и уже открыто посмотрела на Петра Ивановича.

Он встретился с ней взглядом и сразу же расплылся в широкой улыбке.

– Аннушка, дорогая, я так и знал! – воскликнул он обрадованно. – Ты просто умница!

– Не такая уж я и умница, – пробурчала Аня. – Я поеду к этому засранцу, но клянусь, что раскручу его на такую сумму, что он пожалеет о своей настойчивости.

– Даю тебе полную свободу действий! – поспешно заверил ее Сидоров. – Больше того, десять процентов от сделки – твои. И не вздумай отпираться, – прикрикнул он, заметив, что она собирается что-то возразить. Анна пожала плечами и промолчала.

Она протиснулась мимо шефа к своему рабочему столу, уселась поудобнее, придвинула к себе чистый лист бумаги и вооружилась ручкой.

После появления у «Селены» нового хозяина в кабинете Ани произошли кое-какие изменения: стул для посетителей, стоявший до этого у ее стола, отправился на свалку, а его место заняло шикарное кожаное кресло. Все объяснялось просто – стул был не в состоянии выдер-

жать огромное тело нового шефа, а он имел привычку подолгу обсуждать с Анной стратегию наиболее крупных рекламных акций.

Вот и сейчас он устроился напротив в своем кресле, с минуту помолчал, сосредоточенно хмуря лоб и привычным жестом потирая пальцами переносицу, затем глубоко вздохнул, кивнул головой каким-то собственным мыслям и начал инструктаж.

– Итак, господин Барсков осчастливил нас очень выгодным предложением. Я нисколько не преувеличиваю. Получить такой заказ – действительно большая удача. Рекламная кампания на срок не менее полугода с подключением всех средств массовой информации – это круто!

– Телевидение тоже? – уточнила Анна.

– Разумеется.

– Это влетит ему в копеечку, – присвистнула она. – Ведь придется организовать съемку на месте.

– Пусть это тебя не беспокоит. У него столько денег, что хватит даже на то, чтобы организовать съемку на Марсе. Впрочем, это нам, возможно, не понадобится.

– Съемки на Марсе? – удивленно подняла брови Аня.

– Что? Ах, нет. При чем тут Марс? Я имею в виду видеоматериалы по его предприятиям. Он собирается предоставить свои собственные, уже готовые.

Анна недовольно поморщилась. Она не любила работать с материалами, которые предоставляли клиенты. Как правило, их видение выигрышных сторон собственного дела резко отличалось от того, что требовалось для успешного создания видеоряда. Исключение составляли только турфирмы. Эти-то поднаторели в рекламе, их ролики и фотографии отличали отменное качество и максимально выигрышный ракурс. Услышав, что клиент приготовил какие-то свои материалы, она поспешила возразить:

– Это было бы нежелательно. Вдруг они не подойдут?

– Он это предусмотрел и заранее дал согласие на проведение любых мероприятий, которые ты сочтешь нужными.

– Уже лучше, – кивнула Аня.

– Ты в курсе того, чем он занимается?

– Только в общих чертах. Кажется, поставками продовольствия. Сельское хозяйство?

– Не совсем так, – со смешком проговорил Петр Иванович. – Он крупнейший и единственный в России поставщик деликатесов во все рестораны Москвы, Санкт-Петербурга, ну и остальных городов.

– Что же такое удивительное он производит, если, по моим сведениям, является одним из самых богатых людей в России? – искренне удивилась Анна.

– Первое – это Фуа-Гра.

– Гусиная печенка, что ли?

– Не гусиная печенка, а большая, восхитительно нежная, сочная печень специальным образом откормленных гусей! – поправил шеф, глядя на нее с неммым упреком.

Анна улыбнулась краешками губ. Петр Иванович любил вкусно поесть и понимал толк в хорошей кухне.

– Второе, и самое главное, – это... – Петр Иванович выдержал значительную паузу, прежде чем закончить, – лягушачьи лапки...

– Фу, какая гадость, – не удержалась Анна. – Не представляю, как люди это едят.

– Едят, моя дорогая. Да так резво, что наш милейший господин Барсков не успевает подсчитывать собственную прибыль. Чтобы заказать у него партию свежей лягушатинки, владельцы ресторанов выстраиваются в очередь и идут на немыслимые ухищрения, дабы обойти конкурентов.

– Чудно, – хмыкнула Анна. – Впрочем, французы вон трескают пупырчатых не одну сотню лет и, слава богу, до сих пор живы, здоровы и даже сексуальны. Надеюсь, у него в гостях меня не заставят лично пробовать этот... ммм... деликатес?

– Не заставят, конечно, но я тебя умоляю, когда будешь там, постарайся не говорить в открытую о своем отношении к лягушкам.

– Только ради вас, шеф, – ухмыльнулась Аня. – Но есть я их не стану. И не просите.

– Хорошо, – кивнул Сидоров. – Хотя, может быть... Молчу, молчу, – замахал он руками и добавил уже серьезно: – Задача тебе предстоит непростая, так как у нас многие относятся к этому деликатесу неоднозначно. Ты уж постарайся найти что-нибудь такое, что покажется потенциальным клиентам привлекательным.

– Попробую. У меня еще один вопрос, если можно.

– Конечно. Все, что угодно.

– Что за личность этот Барсков? Как-никак мне предстоит с ним работать, хотелось бы хоть что-нибудь знать о нем, я имею в виду характер и все такое прочее.

Петр Иванович ответил не сразу.

– К сожалению, порадовать мне тебя особенно нечем, – медленно проговорил он. – Личность, по слухам, малопривлекательная. Говорят, что он из бывших эмигрантов, в Россию вернулся еще подростком, лет тридцать пять назад. Остальная родня собиралась перебраться на родину спустя несколько лет, но все они погибли в какой-то катастрофе, так и не ступив на родную землю. Видимо, это обстоятельство наложило отпечаток на характер господина Барскова. Он славится необыкновенной замкнутостью и крутым нравом. Но это интеллигентный, образованный человек, и я уверен, что ваша встреча пройдет без неприятных моментов. Кроме того, не нашелся еще тот мужчина, который решился бы обидеть такую красавицу, как ты.

«Знал бы он, насколько далеки от истины его слова», – грустно подумала Анна, а вслух сказала:

– Спасибо за информацию. Если это все, то я, пожалуй, пойду. Когда я должна быть у Барскова?

– Завтра вечером. Билеты я уже заказал. На вокзале тебя встретит его личный шофер и отвезет в коттедж Барскова. Он расположен рядом с его лягушачьей фермой, а это примерно в семидесяти километрах от города. Ну, ни пуха тебе, ни пера.

– К черту, – с чувством ответила Анна.

Она уже взялась за ручку двери, когда Сидоров окликнул ее. Она обернулась. Шеф явно испытывал смущение, собираясь что-то сказать.

– Это не все? – спросила Аня.

– Нет. То есть да. Мне очень неловко тебе об этом говорить, но не могла бы ты как-нибудь... убрать... это... – Он ткнул пальцем в сторону ее макушки, и Анна поняла, что он имеет в виду.

– Хорошо, Петр Иванович, – сдержанно сказала она. – Я закрасшу эту прядь. – И добавила с усмешкой: – Чтобы не пугать нашего вы-да-ю-ще-го-ся клиента.

Глава 2

По дороге домой Анна завернула в магазин, торгующий косметикой. Едва переступив порог, девушка почувствовала, как ее обволакивает нежное ароматное облако, сотканное из сотни восхитительных запахов. Зеркальные стены многократно отразили хрупкую фигурку с густыми черными волосами, нерешительно остановившуюся посреди зала. Мягкий розоватый свет, льющийся с потолка, тактично скрывал недостатки и подчеркивал достоинства каждой клиентки. Сейчас, в разгар рабочего дня, их было немного. Две девочки-подростка прилипли к витрине с косметикой «COVERGIRL», примеряя к себе всевозможные оттенки тонального крема. Расфуфыренная, как павлин, стареющая красотка у другого прилавка явно подыскивала себе средство Макропулуса в погоне за ускользающей красотой.

Ане нравился этот магазинчик, она бывала здесь довольно часто, но до сих пор ее интерес не простирался дальше декоративной косметики, ну, всякие там тени, туши, помады... Теперь же она в некоторой растерянности замерла перед огромной витриной, уставленной цветными коробочками. Десятки хорошеньких блондинок, брюнеток, шатенок призывно улыбались ей со стеклянных полок. Что же выбрать?

Внимательный взгляд продавщицы уловил ее замешательство, она подошла к Ане и спросила хорошо поставленным голосом:

– Могу ли я вам помочь?

– Это было бы здорово, – обрадовалась Анна. – Мне нужна краска для волос, черная.

Продавщица бросила профессиональный взгляд на пышную гриву Анны и осторожно поинтересовалась:

– А какой краской вы пользовались до этого? Что-то я не могу определить на глаз.

– Какой? Но я никогда не красила волосы. В этом-то и проблема. Понятия не имею, как пользоваться красками.

– Поздравляю, у вас очень эффектный цвет волос. Но вот эта белая прядка, несомненно, искусственная? Очень стильно смотрится.

– Это настоящая седина, – сразу же помрачнела Анна. – Именно от нее мне и надо избавиться.

Продавщица прикусила губу, досадуя на свой промах, и преувеличенно озабоченно принялась переставлять коробочки на стеклянной полке. Наконец ее ловкие пальцы извлекли одну упаковку, которую она протянула Анне:

– Вот эта вам подойдет – одна из последних новинок «L'OREAL», «Экселанс», она придает черным волосам тот же голубоватый отлив, как у вас. И отлично закрашивает седину.

– Хорошо. Я ее возьму, – кивнула Анна. Она испытывала облегчение от того, что ее проблема разрешилась так просто.

Запихнув трофей в сумочку, она понеслась домой на всех парах. До отправления поезда оставалось каких-то шесть часов.

Дома Анна первым делом вытряхнула на туалетный столик содержимое нарядной коробочки, выстроила тюбики в ряд, немного удивившись тому, что их оказалось целых три, и углубилась в изучение инструкции. Вроде все понятно: встряхнуть, смешать, намазать, и через полчаса вы превращаетесь в брюнетку.

Черный, большой, пушистый шар изящно приземлился на угол трельяжа, спикировав с самого верха книжного шкафа. Анна улыбнулась, посмотрев на любопытную усатую мордочку с огромными янтарно-желтыми глазами.

– Ну что, Каспер, попробуем? – спросила она у кота.

Тот деловито обнюхал один флакон, другой, чихнул и недовольно мяукнул, выражая неодобрение.

– Бедняга. Запах не ахти, правда? Но придется потерпеть. Мы с тобой люди солидные, и прическа нам нужна солидная, а не какие-то там перышки.

Каспер мяукнул еще раз и спрыгнул на пол. Мол, ты, хозяйка, как хочешь, а я буду держаться от всех этих глупостей подальше. Шкурка кота и в самом деле искрилась, переливаясь на свету.

Все действительно оказалось очень просто. Через тридцать минут, смыв краску и ополоснувшись бальзамом, Анна убедилась, что ее волосы вновь стали равномерно-черными. Окрашенная прядка почти не отличалась по цвету от остальных волос. Довольная результатом, Аня тряхнула черной гривой перед зеркалом. В эту минуту она случайно увидела в нем отражение циферблата настенных часов и тихо охнула: растяпа, через полтора часа поезд отправится по расписанию, и если она не поторопится, то он отправится без нее. О том, что скажет по этому поводу Петр Иванович, лучше даже не думать, чтобы лишний раз не расстраиваться.

Когда Анна, тяжело дыша, вбежала в вагон, до отправления оставалось не больше пяти минут. При виде абсолютно пустого купе ее сердце подпрыгнуло от радости. Неужто небеса смилостивились над ней и она до конца пути останется без попутчиков? Это было бы просто прекрасно, но чудес, как принято считать, на свете не бывает. Она как раз заталкивала под сиденье дорожную сумку, когда дверь за ее спиной плавно отъехала в сторону, и на пороге купе возник улыбающийся мужчина в джинсовом костюме. Анне хватило одного взгляда, чтобы догадаться – путешествие будет не из приятных. Такой тип мужчин раздражал ее больше всего: влюбленные в себя, они были абсолютно уверены, что окружающие просто не могут не восхищаться их «уникальной» персоной.

Мужчина сладко улыбнулся симпатичной попутчице, очевидно, предвкушая приятную поездку, вежливо поздоровался и, забросив свой багаж на верхнюю полку, удобно расположился напротив, бесцеремонно разглядывая девушку.

Теперь Анна мечтала, чтобы в ее купе оказался еще кто-нибудь, желательно, мать семейства, пусть даже с двумя самыми раскапризными детишками. Но поезд тронулся, и она поняла – этот рыжеватый блондин – ее наказание на ближайшие сутки.

Полчаса мужчина сидел молча. На первый взгляд в его внешности не было ничего неприятного. Он скорее всего принадлежал к богемным кругам, как определила Анна, отметив длинные волосы, расчесанные на прямой пробор, и рыжеватую шелковистую бородку. Наконец она поняла, что именно ей так не понравилось в его лице: глаза. Очень светлые и настолько большие, что это казалось неестественным.

Сразу после появления попутчика Анна достала из сумочки заранее припасенную книжку и старательно уставилась в нее, чтобы пресечь на корню любые попытки завязать знакомство. Но молодой человек, очевидно, понятия не имел о подобных тонкостях или относился к ним наплевательски. Когда ему надоело молча пялиться на соседку, он заговорил. Голос у него оказался на удивление приятным, в отличие от внешности.

– У вас нос очень красивой формы, – изрек он. Анна подняла глаза от книги и вежливо улыбнулась. – Нет-нет, не поднимайте головы! – воскликнул он, театрально взмахнув рукой. – Вы представить себе не можете, насколько прекрасны сейчас, вот так, с опущенными ресницами.

Анна недоуменно приподняла брови, по-прежнему не произнося ни слова.

– А вот губы вы красите неправильно, – без перехода сообщил он. – Этот цвет вам не идет. И вообще, вы должны накладывать на нижнюю губу более темный оттенок, чем на верхнюю.

– Вы что, косметолог? – равнодушно осведомилась Анна, даже не стараясь казаться вежливой.

На тон, каким была сказана эта фраза, он не обратил ни малейшего внимания, зато ее смысл оскорбил его до глубины души.

– Помилуйте, – обиженно возразил он, – я визажист!

– Простите, – сказала Аня, насмешливо улыбнувшись и сверкнув глазами. – Не вижу особой разницы.

Рот мужчины капризно скривился, но девушка была на редкость хороша, и он подавил раздражение. Анну совершенно не волновало душевное состояние попутчика. Она снова уткнулась в книгу, надеясь, что ее намеренная грубость заставит его наконец оставить ее в покое.

Не тут-то было. Визажисты так просто не сдаются.

– Забыл представиться. Феоктистов Родион, – сообщил он. Анна подавила вздох и покорно приняла протянутую визитку. Даже не взглянув на нее, она положила кусочек картона на столик.

– А вас как зовут? – не унимался Родион.

– Анна.

– Хотите, угадаю, куда вы едете?

Анна не хотела. Но его это не волновало. Картинно прикрыв глаза, он несколько секунд разглядывал ее из-под полуопущенных век, затем выпалил:

– Вы едете на выставку Клонова!

Анна впервые слышала эту фамилию, но препираться ей ни капельки не хотелось, а тем более не хотелось сообщать этому назойливому типу, куда и зачем она направляется в действительности. Хочется ему думать, что на выставку, – да ради бога.

– Ну что, я угадал? – допытывался Родион.

Анна пожала плечами.

– Значит, угадал. Я сразу почувствовал, что вы – человек творческий и у нас одна цель.

Пропустив мимо ушей его многозначительную интонацию, Анна неохотно разжала губы и спросила:

– Вы увлекаетесь живописью?

– О, да! Особенно Клоновым! Его картины просто невероятны! Вы тоже его поклонница?

– Вовсе нет.

– Как же так? Зачем же вы едете на его выставку?

– Это вы сказали, что я туда еду, – напомнила Анна.

– Ну да, – немного растерялся Феоктистов, – но ведь вы этого не отрицали!

– А зачем?

Родион задумался. Но ненадолго. Похоже, его увлечение художником было и в самом деле серьезным, а поскольку он считал свою точку зрения истиной в последней инстанции, то пренебрежительное отношение девушки к его кумиру требовало немедленного вмешательства.

– Как бы то ни было, вы обязательно должны побывать на этой выставке! – с энтузиазмом начал он. – Клонов невероятно популярен. А что он делает с цветом? Вы даже представить себе не можете, что он с ним делает! Это просто волшебство...

Поток восторженных слов в адрес господина Клонова грозил вот-вот перерасти в Ниагарский водопад. Родион вошел в раж, он даже позабыл о своем первоначальном намерении соблазнить хорошенькую попутчицу. Он все говорил и говорил и замолкать, похоже, не собирался.

«Достал!» – коротко подумала Анна.

Она аккуратно закрыла книгу и убрала ее в сумочку. Родион, решивший, что эти действия означают заинтересованность девушки, подался вперед и залепетал еще более вдохновенно. Анна не возражала, ей это было даже на руку. Она поощрительно улыбнулась, поставила руки локтями на столик и сцепила пальцы. Крупный изумруд в ее перстне заискрился, точно расплавленный зеленый огонь. Анна, не отрываясь, смотрела в лицо собеседника. Он вдруг как-то обмяк, язык его стал заплетаться, враз отяжелевшие веки опустились на глаза, прикованные к изумрудному сиянию камня.

– Чш-ш-ш, не так быстро, – прошептала Анна. Родион ее не услышал. Его неудержимо клонило в сон.

Взгляд Анны стал напряженнее, она сосредоточилась на зрачках мужчины. Главное – удержать диаметр, не позволить зрачкам сузиться, иначе непременно испортится его зрение, а Анна вовсе не желала ему зла. Она нащупала вход в «коридор» и устремилась к цели.

Вот оно, светящееся облако. Мысленно Анна коснулась его губами, затем аккуратно разгладила поврежденную своим прикосновением точку и аккуратно вышла из зрачков.

В ту же секунду глаза Родиона закатились, и он рухнул на полку, погруженный в глубокий сон. Анна с облегчением откинулась назад. Во рту чувствовался неприятный привкус кислоты. «Никак не могу научиться фильтровать энергию», – сердито подумала девушка. Ее взгляд упал на сверкнувший перстень, она улыбнулась краешками губ и ласково погладила теплый камень. Она носила его с тех самых пор, как впервые увидела среди сокровищ графа Валишевского. Камень, оправленный в белое золото, был настолько велик, что никому и в голову не могло прийти, что он может быть подлинным изумрудом чистой воды. Окружающие считали его красивой бижутерией, а Анна только радовалась этому заблуждению, чувствуя, что изумруд наполняет ее силой и защищает от неприятных неожиданностей.

Ну да, Анна была, как сейчас модно говорить, экстрасенсом. Хотя сама она это определение не жаловала. Она предпочитала называть вещи своими именами. Ведьма, например. Такая симпатичная, маленькая ведьмочка, которая больше всего на свете хотела бы избавиться от своего дара. Хотя... иногда он приносит ощутимую пользу. Аня бросила взгляд на сладко спящего соседа. Увы, все в мире относительно, и роптать на судьбу – пустое дело.

Теперь, когда она осталась в купе одна... ну хорошо, почти одна, можно было готовиться ко сну. Анна посмотрела на лежавшую рядом стопку постельного белья. Если цвет этих застиранных тряпочек и имел отношение к снегу, то разве что к тому, который всю зиму пролежал на обочине трассы Москва—Казань.

Протянув руку, она слегка коснулась кончиками пальцев простыни и ощутила неприятную влажность. За неимением лучшего она все же расстелила белье и, содрогаясь от отвращения, осторожно улеглась прямо в одежде. К счастью, она так набегалась за день, что уснула почти мгновенно.

Ровно в шесть утра она открыла глаза, как будто у нее внутри сработал будильник. Вообще-то она была конченной «совой», но в поезде всегда просыпалась рано.

Она выплянула в окно. Едва заметная серая кромка появилась над горизонтом. Осень уже вступила в свои права, светало поздно.

До прибытия поезда на станцию Аня успела умыться и кое-как привести себя в порядок. Мелкие, невесть откуда взявшиеся белые катышки и ворсинки намертво прилипли к черному свитеру. Тихонько выругавшись, Анна принялась счищать их и потратила не меньше четверти часа на бесполезные попытки вернуть любимому свитеру прежний вид, прежде чем признала свое полное поражение.

«Ваша взяла, – пробормотала она в сердцах, критически всматриваясь в свое отражение, – под жакетом вроде не так заметно».

Оценив свой внешний вид на тройку с плюсом, она оглянулась на соседнюю полку. Родион спал, как младенец, в той же позе, что и вчера. За ночь он даже не пошевелился.

– Пора просыпаться, ловелас, – негромко сказала Анна, протянула руку и тихонько щелкнула пальцами. Родион пробормотал что-то неразборчивое, его ресницы задрожали. Анна не стала дожидаться окончательного пробуждения. Подхватив свою дорожную сумку, она выскользнула в коридор, плотно затворив за собой дверь купе.

Поезд уже сбавил скорость и медленно полз вдоль перрона. Наконец он вздрогнул и остановился. Анна спустилась на платформу, поблагодарила проводницу, хотя не чувствовала бла-

годарности за грязное белье и отсутствие элементарного стакана с горячим чаем, а напоследок сказала:

– В третьем купе у вас пассажир, которому, я слышала, выходить на этой остановке. Мне кажется, он проспал. Быть может, вы проведаете его?

Проводница тихо охнула и засеменила к третьему купе.

Глава 3

Анна стояла на платформе, ощущая, как тяжелая дорожная сумка немилосердно давит ей на плечо. Стояла она уже минут десять и до сих пор не обнаружила никого, кто хотя бы отдаленно напоминал человека, который должен был встретить ее и отвезти в коттедж Барскова. Пассажиры давно сошли с поезда и разбежались по своим делам, в том числе и Родион. Он выглядел немного пришибленным, как будто забыл, где и зачем он находится. Оглядевшись по сторонам, он медленно прошел вдоль состава и скрылся за мутным стеклом вокзальных дверей. Минувя Аню, он скользнул по ней отсутствующим взглядом, но не узнал. Ее это не удивило. Так и должно было быть.

Впрочем, судьба навязчивого попутчика нисколько не заботила Анну. Все ее мысли были заняты одним вопросом: куда подевался шофер Барскова?

Кроме того, она замерзла. Аня предполагала, конечно, что в этих местах, расположенных севернее, чем ее родной город, должна быть более прохладная погода, но такой собачий холод – это уже перебор. Похоже, одного свитера ей будет маловато.

Поеживаясь, Анна расстроено осмотрела опустевший перрон. Она никак не могла сообразить, что же ей теперь делать? Ко всем прочим неприятностям добавилась надвигающаяся гроза. В небе отчетливо громыхнуло, а затем темно-фиолетовые тучи разорвала пополам яркая молния, точно огромное одеяло треснуло по швам. Аня со всех ног припустилась к зданию вокзала, торопясь укрыться от ливня.

Вот тут она и увидела его. Невысокий мужичок средних лет в засаленной кожаной куртке преспокойно стоял в стеклянном предбаннике вокзала, держа в руке кусок картона, который, судя по виду, до этого мирно доживал свой век на помойке. Теперь на нем красовалась корявая надпись: Анна Сомова. Когда до Ани дошло, что она видит перед собой свое собственное имя, у нее от неожиданности отвисла челюсть.

Мужичок с табличкой даже головы в ее сторону не повернул, хотя она стояла всего в двух шагах от него. Он был занят тем, что равнодушно разглядывал потеки воды на грязном стекле. Похоже, он околачивался здесь довольно давно, но с платформы Аня никак не могла его разглядеть в полутемном предбаннике, а выйти наружу ему просто не пришло в голову. Или не захотелось мокнуть под дождем.

– Давно стоите? – спросила Анна вежливо, хотя ей хотелось кричать и топтать ногами от возмущения. Мужчина медленно повернул голову, осмотрел девушку и, после минутной паузы, спросил:

– Сомова, что ли?

– Она самая, – кивнула Анна, ожидая, что он улыбнется ей хотя бы из вежливости.

– А чего так долго? – проворчал мужичок. – Все остальные давно сошли.

Аня, не ожидавшая такого поворота, не нашлась что ответить. Этот шофер, или кто он там, не только не чувствовал ни капли раскаяния за то, что заставил ее полчаса дрожать от холода на продуваемом со всех сторон перроне, а наоборот, предъявлял ей претензии в нерасторопности!

Еще раз глянув на девушку исподлобья, он отшвырнул в угол кусок картона, молча развернулся и неторопливо вошел в просторный вокзальный вестибюль. Он не предложил ей помочь нести вещи, и Ане ничего другого не оставалось, как, перебросив сумку на другое плечо, плестись следом за ним. После такого «ласкового» приема она готова была разорвать господина Барскова на части, невзирая на все его миллионы.

На небольшом огороженном пяточке перед вокзалом теснилось десятка два машин, в основном битых жизнью «жигулят» и «Москвичей». Провожатый Ани уверенно направился к единственному на всю стоянку джипу. Предвкушение поездки в теплом комфортабельном

автомобиле немного улучшило Анино паршивое настроение. Она зашагала бодрее. Каково же было ее удивление, когда мужичок прошмыгнул мимо черной блестящей машины и остановился возле весьма потрепанной «Оки», ласково именуемой в народе «тазиком».

Несколько секунд у Ани еще теплилась надежда, что это какое-то недоразумение, но после того, как шофер отпер дверцу машины и загрузился на водительское сиденье, надежда растаяла окончательно и бесповоротно. Все происходящее напоминало ей дурной сон. Неужели такой богатый человек, как Барсков, который к тому же настойчиво требовал ее приезда, не мог прислать шофера порасторопнее и машину, как бы это помягче выразиться, попримичнее? Впрочем, даже очень богатые люди бывают очень жадными. По закону подлости ей пришлось иметь дело именно с таким типом.

Неодобрительно покачав головой, Анна с трудом втиснулась в крошечный салон, тесноватый даже для ее миниатюрной фигуры. Едва она успела захлопнуть дверь, как машина рванула с места. Нет, рванула – это, пожалуй, громко сказано. На самом деле «тазик» чихнул, фыркнул пару раз и, оглушительно рыча, пополз вперед. Анна бросила встревоженный взгляд на водителя: ей показалось, что машинка вот-вот испустит дух, но шофер даже бровью не повел, сосредоточенно глядя на дорогу. Странные звуки, которые производил его автомобиль, он воспринимал как должное.

Аню очень интересовало, долго ли продлится ее путешествие на этом ветеране отечественного автомобилестроения. Уже через пять минут у нее заныла спина, через десять – затекла нога, и она подозревала, что к концу поездки ее тело вообще превратится в один сплошной синяк. Но вступать в переговоры с этим неприятным типом ей отчаянно не хотелось, и она, стиснув зубы, решила терпеть до конца, чего бы это ни стоило. Он от нее жалоб не услышит, а вот Барсков...

Анна недобро улыбнулась своим мыслям. В ту же секунду машина судорожно дернулась и остановилась, уткнувшись носом в асфальт. «Неужели все-таки сломалась?» – испугалась Анна. Она покосилась за окно и убедилась, что они по-прежнему в городе, похоже, в самом его центре. Водитель сидел за рулем, глядя на нее так, будто чего-то ждал. Вылезать он явно не собирался.

– Что случилось? – осторожно спросила девушка.

– Приехали, – последовал немедленный ответ.

– Куда?

– Куда велено, туда и приехали. Вот ваша гостиница. Мне было сказано: встретить вас на вокзале и доставить сюда.

– О, вы блестяще справились со своей задачей! – не удержалась Анна. – Но я была бы вам вдвойне благодарна, если бы вы потрудились объяснить: почему вместо коттеджа Барскова я попала в какую-то гостиницу?

Отсутствующее выражение глаз шофера не изменилось ни на йоту, когда он произнес, растягивая слова:

– Вам забронирован номер в этом отеле. Барсков пришлет за вами машину завтра утром.

– Это еще что за новости? А вы тогда кто? Разве вас прислал не Барсков? – пролепетала Аня, чувствуя, что перестает понимать происходящее.

– Нет, не Барсков, – покачал головой шофер и впервые за все время улыбнулся. Уж лучше бы он этого не делал – улыбка вышла препротивная. Не переставая скалиться и явно наслаждаясь испугом девушки, он добавил: – Я не работаю на Барскова. Меня попросили вас отвезти – я отвез. Так чем же вы недовольны? Все претензии к господину Барскову.

– Уж в этом будьте уверены, – сквозь зубы прошипела Аня и поспешно вылезла из машины, громко захлопнув дверцу.

Что за чертовщина? Она ничего не понимала. «Тазик» тем временем выпустил ей в лицо клубы вонючего дыма и, пыхтя, покатыл прочь.

Анна расстроено посмотрела на пятиэтажное здание гостиницы. Она задрала голову и прищурилась, чтобы прочесть название. У нее было плохое зрение, но она никак не могла решиться на то, чтобы носить очки. От того, что приходилось часто щуриться, в уголках глаз появились тоненькие лучики морщинок. Пока они были едва заметны, но Аня каждый раз, глядя на себя в зеркало, очень расстраивалась из-за самого факта их наличия.

Гостиница носила романтическое название «Парусник». Непонятно, почему отель назвали именно так: ни одного водоема глубже лужи не наблюдалось на сотни километров вокруг. Что касается лужи, то она как раз имела место быть, и, надо сказать, довольно широкая. Чтобы добраться до ступенек, ведущих ко входу в гостиницу, Ане пришлось обойти ее.

«Парусник» определенно относился к разряду дорогих гостиниц, за прозрачной дверью маячил швейцар в новенькой, с иголки, униформе, напоминающей боцманский китель.

Швейцар открыл перед Анной дверь и приветливо улыбнулся. Она не стала относить его радушие на свой счет, понимая, что такая улыбка входит в перечень его обязанностей, но на душе неожиданно потеплело, и она улыбнулась в ответ. Просто так.

Внутри «Парусник» выглядел еще лучше, чем снаружи. Каждая мелочь в стеклянно-зеркальном холле кричала, нет, просто вопила о респектабельности заведения. Такая роскошь в относительно небольшом городе выглядела непривычно.

Портье, точно сошедший с глянцевой картинки рекламного проспекта, не сводил с Анны глаз с момента ее появления в холле. Чувствуя этот внимательный взгляд, Анна неуверенно двинулась к стойке.

– Мне должны были забронировать номер. Мое имя Анна Сомова, – сообщила она, гадая про себя, какая реакция последует на ее слова.

Лицо портье, точно резиновая маска, мгновенно преобразилось, от холодноватой вежливости не осталось и следа, теперь оно излучало приветливость, которую, если не всматриваться особенно пристально, вполне можно было принять за искреннюю.

– Очень рады вас видеть, Анна Владимировна. Для вас подготовлены личные апартаменты Александра Федоровича, – лучась улыбкой, проворковал портье. Словно профессиональный фокусник, он извлек откуда-то ключ и протянул его Ане. – Надеюсь, вы останетесь довольны.

– Я тоже надеюсь, – улыбнулась Аня, принимая ключ. – А что, господин Барсков настолько часто останавливается у вас, что даже обзавелся собственным номером?

– Не так часто, как хотелось бы, – ответил портье, скроив скорбную мину, – но его апартаменты всегда остаются за ним. Он наш лучший клиент.

– Понятно, – кивнула Аня и повернулась, чтобы идти к лифту.

– Одну минуточку! – окликнул ее портье.

– Да?

– Для вас есть записка.

Анна удивленно взглянула на аккуратно сложенный листок глянцевой бумаги, но записку взяла и развернула ее.

«Уважаемая Анна Владимировна! – прочла она. – Прошу меня извинить за некоторую задержку в наших планах. Мои намерения не изменились. Я по-прежнему желаю воспользоваться вашими услугами, но некоторые проблемы вынуждают меня отложить нашу встречу до завтрашнего утра. Надеюсь, вы проведете эту ночь со всеми удобствами. Барсков А. Ф.».

«Ну что же, – подумала Аня, складывая записку и засовывая ее в сумочку, – по крайней мере, он извинился. Значит, не все еще потеряно».

Она еще раз кивнула застывшему в ожидании портье и двинулась к лифту.

Она успела пройти всего несколько шагов, когда свет в глазах у нее внезапно померк, голова закружилась, ее пронзила сильная, почти невыносимая боль. Сразу вслед за этим она

увидела перед собой сплошную стену бушевавшего огня, мечущихся в панике людей, клубы черного дыма.

Анна вскрикнула и тут же услышала встревоженный голос, зовущий ее издалека:

– Что с вами, госпожа Сомова?

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Аня разомкнула зажмуренные веки, в глаза ударил яркий свет. Она заслонила их рукой, успев заметить испуганное лицо портье, растерянно топтавшегося рядом.

– Вам плохо? – снова спросил он.

– Все в порядке, просто закружилась голова, – пробормотала она и быстрыми шагами, почти бегом, бросилась к лифту.

Лифтер удивленно посмотрел на бледную как полотно девушку, влетевшую в лифт, словно за ней гналась стая чертей, но его внимание сразу же переключилось на вошедшего следом за ней мужчину. Мужчина дышал часто и с трудом, его мучила одышка. Еще бы! С такой массой тела даже для того, чтобы просто пройтись не спеша, нужны немалые усилия. Он достал из кармана платок и вытер мелкие капельки пота, выступившие на лбу. Лифтер вопросительно смотрел на него, ожидая распоряжений и полностью игнорируя присутствие Анны.

Анна была слишком огорчена той ужасной картиной, что пронеслась в ее мозгу, чтобы испытывать в данный момент укол раненого самолюбия. Но тем не менее от нее не ускользнуло странное поведение лифтера, поэтому она не удержалась и взглянула на мужчину повнимательнее. Никогда еще ей не приходилось видеть таких толстых людей. Казалось, только отлично сшитый, дорогой костюм сдерживал эту массу жира, не давая ей растечься по полу, подобно растаявшему пудингу.

Лифтер, так и не дождавшись никакого знака от толстяка, спросил у Анны номер ее комнаты и нажал на кнопку с цифрой четыре. Лифт медленно пополз вверх.

– Надеюсь, моя комната находится недалеко от запасного выхода? – неожиданно даже для себя самой спросила Анна у лифтера.

– Вы что, боитесь пожара? – удивился тот, безуспешно стараясь скрыть усмешку.

– Не то чтобы очень, но все-таки... – смутилась Аня.

– Не волнуйтесь. Гостиница совершенно безопасна. За те сто лет, что она стоит на этом месте, она ни разу не горела, – снисходительно успокоил ее лифтер.

– Он говорит правду, – неожиданно вмешался толстяк. – «Парусник» абсолютно огнеустойчив.

– Уж кто-кто, а господин Хворост это знает, – поддакнул лифтер. – Ведь он хозяин гостиницы!

Мелодичный звон возвестил о том, что лифт благополучно прибыл на четвертый этаж. Выходя из кабины, Анна оглянулась и встретилась с доброжелательным взглядом толстяка. Двери захлопнулись, на световом табло загорелась цифра пять.

Ключ легко повернулся в замке, Анна вошла в свой номер. Он оказался не слишком большим, но не по-гостиничному уютным и чистым. Видно было, что о нем заботились с особой тщательностью. Даже мебель была подобрана не стандартная, а очень современная и явно дорогая. Номер состоял из спальни, гостиной, кухоньки и ванной комнаты. Анна заглянула во все углы. Особенно впечатляла ванная: ее пол и стены были выложены не обыкновенной плиткой, а настоящим мрамором. Помимо огромной джакузи, унитаза и умывальника, здесь имелось биде. Причем не одно, а два. Почему, Анна так и не догадалась.

На кухне тоже было классно: дубовая стенка со всеми наворотами: вытяжкой, встроенной микроволновкой и маленьким холодильником. Из любопытства Анна заглянула и туда и приятно удивилась, увидев, что он до отказа заполнен различными полуфабрикатами и напитками.

Сбросив сумку на пол и скинув туфли, Аня босиком вернулась в гостиную. Горничная заранее приготовила номер к ее приезду: шторы были раздвинуты, окна приоткрыты, кровать в спальне застелена белоснежным бельем, а уголок одеяла кокетливо отогнут.

Анна прошлепала по пушистому голубому ковру прямо к окну и выглянула наружу. Она не удивилась тому, что увидела, точнее, тому, чего не увидела: ни на четвертом, ни даже на пятом этаже не было пожарной лестницы... Нахмурившись, она провела рукой по лбу. Голова все еще побаливала. Настроение, несмотря на предоставленный в ее распоряжение шикарный номер, было хуже некуда. Она не могла отделаться от ощущения, что вляпалась во что-то скверное.

Глава 4

Аллочка постучала в дверь и замерла, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Она не услышала ни звука, но это ничего не означало. Они могли, например, заснуть, хотя это вряд ли. У нее неприятно засосало под ложечкой, когда она взялась за деревянную ручку и легонько толкнула дверь. Войти в номер до смерти не хотелось, но пренебречь своими обязанностями она не могла. Слишком дорого пришлось заплатить за эту работу, чтобы потерять все из-за жалобы жильцов. А они непременно накажут телегу, если она не принесет заказанный в номер ужин. Иногда, в такие минуты, как эта, ей хотелось бросить все к чертовой бабушке и зажить наконец спокойной жизнью. Были бы деньги... Но денег не было, а значит, надо зубами держаться за эту работу.

Аллочке не нравились постояльцы из четыреста шестого. Дело даже не в том, что один из них ущипнул ее за задницу сегодня утром, когда она меняла постельное белье. К этому она успела привыкнуть. Жильцы частенько позволяли себе всякие вольности, но насильно в постель ее не тянули, да она бы и не стала особенно упираться, если честно. Лишь бы платили. Аллочка, хорошенькая восемнадцатилетняя блондинка с маленьким крепким телом, считала, что девичья честь – удел богатых, а бедным, то есть таким, как она, честность не по карману.

Постояльцы из этого номера пугали ее совсем по другой причине. Внутреннее чутье выросшей на улице девчонки подсказывало ей, что эти люди по-настоящему опасны. Если бы ей довелось узнать, что они, например, наемные убийцы, она бы ни капли не удивилась. От таких можно ждать любых сюрпризов.

Аллочка вошла в номер, миновала узкий пяточок прихожей и боязливо перешагнула порог просторной гостиной. Фарфоровые тарелки на подносе, который она сжимала дрожащими руками, тихонько звякнули. Сахарница заскользила куда-то вбок, и девушка едва успела ее подхватить.

Гостиная была пуста. Вздохнув с облегчением, горничная поставила поднос на низкий журнальный столик. Посуда снова задрезжала.

Дверь, ведущая в спальню, приоткрылась. В проеме показались голый череп и неприятно выступающие крупные зубы одного из жильцов. При виде девушки уродливое лицо мгновенно преобразилось. Его улыбка была так же отвратительна, как и все остальное. Аллочка отвела глаза и попятилась к двери, стараясь не делать резких движений и не показывать, что перепугана.

Лысый, похожий на кролика мужчина тем временем вошел в гостиную, подошел к оставленному на столике подносу и, не сводя с девушки глаз, шумно втянул носом воздух.

– Ты принесла нам кое-что вкусненькое, а, красивая? – двусмысленно ухмыляясь, спросил он и подмигнул. Аллочка попыталась улыбнуться и часто заморгала густо накрашенными ресницами, стараясь удержать выступившие от страха слезы. В эту секунду она заметила второго жильца, который бесшумно появился на пороге спальни. Аллочка открыла рот, увидев в его костистых руках пистолет. Мужчина перехватил ее взгляд, выругался вполголоса, быстро сунул пистолет в карман и рявкнул:

– Чего уставилась? Брысь отсюда!

Горничная охнула и бегом бросилась к выходу.

– Стой! – Грубый окрик настиг ее у самой двери. Она замерла, затаив дыхание. – Вякнешь кому-нибудь – найду и закопаю. Живьем. Поняла?

Аллочка судорожно сглотнула и быстро закивала.

– Тогда пошла вон, шалава.

Повторять не требовалось. В мгновение ока горничная была уже по ту сторону двери. Ничего не видя перед собой, она понеслась по коридору, едва не сбив с ног высокого мужчину

в клетчатой рубашке. Торопливо извинившись, она побежала к лестнице. Мужчина удивленно посмотрел ей вслед и пошел дальше, внимательно вглядываясь в номера комнат.

* * *

Лифтер старательно отводил глаза, чтобы не смотреть на стоящую перед ним парочку. Таких он перевидел немало и по опыту знал, что лишние взгляды их только нервируют. Про себя он называл их «голубками»: любовники, само собой несвободные, использующие для свиданий любую возможность.

Бороться с любопытством было непросто. Он бросил на них один-единственный взгляд. Так и есть. Молоденький мальчик, должно быть, последняя страсть стареющей уже кокетки, пытается изобразить пылкого влюбленного, но это получается у него плоховато. Впрочем, его дама, озабоченная собственными переживаниями, вряд ли способна в данный момент разглядеть фальшь на его смазливой рожице.

Дамочка явно при деньгах. Серый шелковый костюм ладно сидит на ее хрупкой, еще красивой фигуре. Длинные пальцы унизаны кольцами, ногти покрыты ярким пунцовым лаком, тон в тон с помадой. Однако во всей этой продуманной элегантности есть что-то немного вымученное.

Женщина сильно нервничала. Ее пальчики беспокойно теребили ремешок сумочки. Ее кавалер старался выглядеть независимо, но его кадык ходил ходуном.

Лифт остановился на четвертом. Парень, придерживая женщину под локоток, вывел ее из кабины. Лифтер не стал смотреть, в какую сторону они направились. Он и так знал, что это будет четверта пятнадцатый. Его «голубкам» сдавали чаще всего, иногда на ночь, а порой – на пару часов.

Загорелась кнопка вызова со второго этажа. Двери захлопнулись, лифт двинулся вниз, готовый принять очередного клиента.

* * *

Красный... Зеленый... Красный...

Молодой человек сидел на стуле спиной к окну и машинально следил за тем, как стена напротив него меняла цвет. Бездумный взгляд прозрачных глаз скользил по ней взад и вперед. Его мысли витали где-то далеко.

На вид ему было чуть за двадцать. На самом деле – много больше. Маленького роста, сухой, как осенний камыш, с такими же серо-желтыми волосами, он легко мог сойти за юношу. Его выдавали только глаза, но их скрывали круглые очки в тонкой «золотой» оправе. Цыплячью грудь облегал толстый свитер грязно-коричневого цвета, связанный еще в те времена, когда шерстяная пряжа была страшным дефицитом.

Его можно было принять за студента, если забыть о том, что студенту не по карману номер в «Паруснике», даже если это крошечная каморка под самой крышей с окнами, выходящими на неоновую рекламную вывеску соседнего магазина.

Парень пошевелился. Его глаза приобрели осмысленное выражение. Медленно, как будто с трудом, он поднялся со стула и, чуть прихрамывая, подошел к письменному столу, заваленному какими-то деталями.

Времени оставалось в обрез. Он постоянно помнил об этом и, несмотря на слипающиеся от усталости веки, снова приступил к работе. Щелкнул выключатель. Яркий свет настольной лампы осветил разбросанные по столу инструменты и небольшой чемоданчик с откинутой крышкой, внутри которого лежали три одинаковых круглых предмета. Четвертый, наполовину

законченный, лежал с краю. Парень склонился было над ним, но тут же опять откинулся на спинку стула. Глаза щипало, словно в них насыпали песку.

Давненько он не занимался подобными делами. Этот заказ был самым крупным за последний год. Пять бомб замедленного действия. По тысяче за каждую. Большие деньги, но он их заработал. Никто не хотел связываться с зажигательными бомбами. Сделать их сложно, так как запалом должна служить кислота. Ему пришлось потратить несколько дней, чтобы определить необходимую толщину пробки в бутылочке с кислотой. Но он своего добился. Для запаса времени в тридцать минут ему понадобится пробка толщиной ровно четыре миллиметра.

Ему оставалось собрать всего две бомбы. И тогда заказ будет выполнен в срок. Парень с силой потер ладонями лицо, чтобы прогнать усталость, и склонился над столом.

* * *

Анна перевернулась на спину и уставилась в потолок. Ну что за день! Даже поспать спокойно не получается!

Она откинула одеяло и села на постели. Гортанный голос проорал что-то так громко, что она поморщилась. Голоса доносились из-за стены слева, из соседнего номера. Эта попытка продолжалась уже больше двух часов. Она поднесла руку с маленькими часиками поближе к глазам. Половина первого! Они что там, с ума посходили?

Голоса стали еще громче. Теперь говорили несколько человек одновременно. Аня не могла разобрать слов, только шум, который мешал ей заснуть.

Что-то громынуло. Похоже, соседи принялись крушить мебель. Да, веселая выдалась ночка...

Анна вспомнила о кнопке для вызова горничной. Кажется, это единственный способ добиться тишины. Она протянула руку, нашарила пластмассовую кнопку звонка и нажала три раза.

Она не услышала никаких звуков, подтверждающих то, что она добилась своей цели.

Звонок, однако, оказался в рабочем состоянии, так как минут через пять в ее дверь осторожно постучали.

– Войдите! – крикнула Аня, торопливо зажигая настольную лампу на прикроватной тумбочке.

– Вызывали? – спросила миловидная блондиночка в форменном платье. На кармашке было вышито имя: Алла. Глаза Аллочки немного припухли. Очевидно, девушка задремала на дежурстве.

– Вы не знаете, кто там бузит в соседнем номере? – поинтересовалась Аня.

Девушка заметно напряглась. Когда она заговорила, ее голос звучал иначе, чем прежде. Чувствовалось, что она подбирает слова с большой осторожностью.

– О каком именно номере вы спрашиваете? – вежливо спросила девушка, и Анна поняла, что она просто тянет время.

– Вот об этом! – Аня ткнула пальцем в стену возле своей кровати. Как раз в эту минуту там снова что-то уронили. От удара стена дрогнула, мирно висевший на гвоздике эстамп слегка покосился. – Кажется, это четыреста шестой?

Горничная вздрогнула, в ее глазах мелькнул страх, когда она посмотрела на стену.

– Они вам мешают? – спросила она таким тоном, словно отчаянно надеялась услышать в ответ «нет».

– Вообще-то, да. – Анна не оправдала ее ожиданий. – Нельзя ли попросить их угомониться?

Аллочка побледнела. Она лихорадочно соображала, как выйти из сложной ситуации. Сама она в номер не сунется, не такая она дура. Может, охрану позвать? Ребята крепкие, мигом

разберутся. Но где гарантия, что те двое не захотят потом сорвать зло на ней, если узнают, что именно она вызвала охрану?

Анна удивленно наблюдала за девушкой: ясно как день, малышка боится идти в этот проклятый номер. Чем же там ее так напугали? Анна уже жалела, что вызвала горничную. Черт с ним, с этим шумом, лучше потерпеть, чем заставлять девчонку связываться с этими уродами. Она собралась уже было сказать, что передумала, но Аллочка заговорила первая.

– Я скажу охране, – старательно улыбнулась она. – Извините за неудобства. Больше ничего не нужно?

– Нет, спасибо, – отрицательно покачала головой Анна.

Когда за горничной закрылась дверь, она снова легла в постель, накрывшись одеялом с головой, и попыталась уснуть.

* * *

– Ты меня любишь? Ну, скажи, правда любишь?

– Конечно, моя девочка.

Женщина хрипловато рассмеялась и сильнее сжала пальцами его плечи. Марат был рад, что в комнате темно и она не видит выражения его лица. О, господи! Какая любовь? Какая девочка? Да она же в матери ему годится! Как он докатился до этого? Почему эта жизнь, поначалу казавшаяся такой простой и приятной, стала невыносимой? Чего стоит только этот малый в лифте. Марат видел, как тот разглядывал их. Наверняка потешался в душе над молодым альфонсом, продающим свое тело старой развратнице. Альфонс! Вот теперь его имя!

Галина была счастлива. Она чувствовала, как ее тело наполняется силой и молодостью. Этот мальчик вернул ее к жизни. Какая она была глупая, когда сомневалась, боясь отдаться этой любви. Одна-единственная ночь с ее любимым стоит нескольких лет скучной и серой жизни с мужем.

Лаская друг друга, они не заметили, как дверь в гостиничный номер бесшумно отворилась. Персонал «Парусника» внимательно следил за тем, чтобы дверные петли не скрипели. Никто не мог знать, что это послужит когда-нибудь причиной трагедии.

Внезапно вспыхнул свет. Галина вскрикнула. Марат быстро обернулся и с ужасом понял, что все пропало. На пороге он увидел высокого мужчину в клетчатой рубашке.

– Валера? Но как ты... – Голос женщины сорвался, она не смогла договорить.

– Ты хотела спросить, как я узнал, где моя жена свила себе любовное гнездышко? – спросил мужчина. – Неужели это единственное, о чем ты сейчас думаешь? Странно, у меня сейчас словно глаза открылись... Теперь я вижу, что сокровище, которое я берег, оказалось обычным мусором...

Он сделал шаг по направлению к кровати. Марат оттолкнул от себя женщину и попытался вскочить.

– Лежать, щенок! – прикрикнул мужчина, даже не повернув головы в его сторону. Он смотрел только на Галину. Не выдержав этого взгляда, она истерично завизжала.

– Не подходи ко мне! Я тебя ненавижу!

Она попыталась отползти на другую сторону кровати, но ей помешал Марат, который пихнул ее обратно, прямо в руки мужа. Тот схватил ее за плечо и рывком притянул к своему лицу.

– За что? Ответь мне, за что ты так со мной поступила? – спросил он хрипло, глядя в ее расширившиеся от ужаса глаза.

– Я полюбила! Неужели непонятно? Я полюбила впервые в жизни! – выкрикнула женщина отчаянно. – Марат для меня все!

– Заткнись, ради бога! – с ненавистью прошипел молодой любовник. Он снова попытался сбежать, воспользовавшись тем, что от мужа Галины его отделяла широкая кровать.

Ему не повезло. Мужчина заметил его маневр. Он взревел как раненый зверь, с силой отшвырнул от себя жену и набросился на Марата. Ярость ослепила его, не помня себя, он сбил парня с ног и принялся избивать. Он не мог остановиться до тех пор, пока голое, окровавленное тело не затихло на полу.

В глазах мужчины появилось удивление, словно он не мог поверить в случившееся. Его руки безвольно повисли. Он вспомнил о жене, медленно повернул голову, взглянул на кровать и глухо застонал. Галина неподвижно лежала на скомканных простынях, ее остановившиеся глаза смотрели на него с недоумением. Но она его не видела. Белоснежная ткань наволочки возле ее виска окрасилась в розовый цвет. К острому краю белой прикроватной тумбочки прилипли несколько светло-каштановых кудрявых волосков.

Галина была мертва. Возможно, ее любовник тоже. Что же теперь будет? Валера не чувствовал раскаяния, в душе у него было пусто. Но он хотел жить. Осознав страшную правду, он вдруг подумал, что его обязательно обвинят в убийстве жены.

Но так ли это? Никто не видел, как он вошел в этот номер. Если он позаботится о том, чтобы уничтожить следы своего пребывания здесь, то все еще можно поправить. Главное – избавиться от улики...

Глава 5

Анна открыла глаза, не понимая, что ее разбудило. Было тихо. Голоса за стеной смолкли. Она выбралась из-под одеяла. Голова раскалывалась от сильной боли. Аня стиснула виски, пытаясь унять эту боль, и внезапно почувствовала, что почти не может дышать. Воздух был горячим и тяжелым, пахло... дымом.

– Мамочка! – прошептала Анна, пораженная внезапной догадкой. Она бросилась к двери, распахнула ее настежь и отпрянула. В коридоре было почти темно, сплошные клубы дыма, как густой туман, окутали пространство. Свет ламп под потолком с трудом пробивался сквозь мутную пелену.

– Не может быть, – пробормотала Анна.

В этот момент ближайшая к ней лампочка замигала, из нее посыпались искры, стеклянный колпак с треском лопнул, обдав девушку дождем мелких осколков. Анна с визгом отпрянула назад и нырнула в комнату. Бросившись к окну, она распахнула обе створки, жадно вдыхая холодный воздух. В голове прояснилось. Она осознала весь ужас происшедшего. И сразу подумала об остальных жильцах. Где они? Почему никто не пытается спастись? Она же видела – во многих номерах на ее этаже жили люди. Неужели?..

Ну конечно, как она сразу не догадалась. Пожар начался глубокой ночью, люди спали, они могли задохнуться во сне. Ее саму спасло только то, что она, пытаясь избавиться от шума из соседнего номера, плотно укуталась с головой одеялом. Но остальные?! Нужно разбудить их, достучаться, спасти... Она рванулась было обратно в коридор. В темной раме настенного зеркала отразилась жалкая фигурка в фиолетовой пижаме со взлохмаченной гривой черных волос. Так не годится. Аня, путаясь в вещах, наспех переоделась.

В коридоре уже потрескивало. И по-прежнему она не слышала ни единого крика о помощи. Взглянула на часы: третий час ночи. Все правильно, самое мертвое время.

Стараясь не думать об опасности, она снова выбежала в коридор и закашлялась от едкого дыма. Глаза слезились, она с трудом различала окружающие предметы. Почти на ощупь добралась до соседней двери и принялась отчаянно барабанить по ней кулаками. Потом в следующую. И еще... Четвертая дверь, в самом конце коридора, неожиданно подалась. Анна, с размаху ударив по ней ногой, едва не свалилась, потеряв равновесие. Удержавшись на ногах, она вбежала в комнату и увидела страшную картину: на полу лежал скорчившийся, абсолютно голый человек, на кровати – женщина, также обнаженная. Женщина была мертва. У нее был размозжен висок, кровь залила всю подушку. Анна подобралась к мужчине, схватила его за запястье, пытаясь нащупать пульс. Пульса не было. Она осторожно приподняла его голову и отшатнулась – у парня вместо лица было сплошное кровавое месиво. Глаза, рот, нос – все это превратилось в отвратительную красно-бурую маску.

Эти двое мертвы, и они погибли не от пожара.

В коридоре что-то обрушилось. Огонь разгорался. Понимая, что этим людям она уже ничем помочь не сможет, Аня выбежала из номера. Она задыхалась. Дальше ей не пройти, она вот-вот потеряет сознание. Надо вернуться в свою комнату и попытаться позвать на помощь из окна. У нее кружилась голова. Шатаясь, она побрела назад.

«Только не упади!» – уговаривала она себя.

Неожиданно впереди мелькнул смутный силуэт человека. Анна обрадовалась.

– Эй, подождите! – крикнула она. Точнее, попыталась крикнуть. Голос охрип, и из горла вырвалось только негромкое шипение. Но незнакомец, должно быть, ее услышал, так как остановился. Ободренная, она поспешила к нему и вдруг узнала необъятную фигуру хозяина гостиницы. Это еще больше обрадовало девушку, такая помощь была более чем кстати. Хворост должен знать в своей гостинице все ходы и выходы.

Но произошло нечто совершенно невероятное: когда ей оставалось пройти всего несколько шагов, толстяк неожиданно бросился прочь от нее.

– Стойте! – воскликнула Аня. Толстяк обернулся на мгновение, и она увидела его искаженное ненавистью лицо. Это настолько поразило ее, что она остановилась, глядя испуганными глазами вслед поспешно удаляющемуся человеку.

– Он что, спятил? – недоуменно пробормотала она.

Откуда-то слева раздался едва слышный стон. Аня кинулась на этот звук и увидела фигурку девушки. Она стояла посреди коридора, странно согнувшись пополам, и хватала воздух широко раскрытым ртом. Девушка задыхалась. Аня крепко ухватила ее под мышки и поволокла к своей комнате. Подтащив ее к распахнутому окну, Анна увидела внизу суетящихся людей и несколько пожарных машин. Вой сирен разносился по всей улице. «Значит, кто-то все же вызвал пожарных», – с облегчением подумала Аня.

Девушка перестала хрипеть, но дышала с трудом. «Да у нее астма!» – догадалась Аня. Только сейчас она узнала ту самую горничную, которая приходила к ней в номер. Кажется, ее зовут Алла.

Аллочка силилась что-то сказать, но у нее ничего не получалось. Измученное, посиневшее лицо исказила гримаса боли и... страха.

– Не надо пока разговаривать, – мягко сказала Аня. – Потерпи, скоро все кончится. Видишь, помощь уже пришла. Нас сейчас выташат отсюда.

В самом деле, пожарные, заметив их в окне, уже выдвигали лестницу. Анна поежилась, глядя вниз: высоковато, а она боится высоты. Но жить все-таки хочется. В коридоре уже всюду рушились балки. Ровное гудение пламени было слышно даже здесь. Выбора не было.

Оставив на секунду девушку у окна, Анна метнулась к кровати, возле которой лежали две ее сумки. Маленькую она повесила на шею, а большую крепко ухватила за ручки и поволокла к окну.

Раздался металлический скрежет – это лестница ударилась об отлив. Ковер в комнате уже дымился, распространяя ужасную вонь горелой резины.

– Лезь первая, – скомандовала Анна, подталкивая Аллу к окну. Та испуганно замотала головой и попятилась.

– Не дури, быстро марш на лестницу. Держись крепко, не смотри вниз – и все будет в порядке.

Девушка шагнула к оконному проему, но, увидев под собой маленькие фигурки людей, снова отшатнулась. Анна начинала терять терпение. У них было слишком мало времени на спасение, а ведь были еще и другие люди, которым требовалась помощь. Она схватила Аллу за плечо и, крепко сдавив, сказала:

– У нас нет другого выхода. Сделаешь, как я говорю, – останешься жива. Нет – сгорим обе заживо. Поняла?

Девушка кивнула. Охваченная пламенем дверь комнаты с оглушительным грохотом ввалилась внутрь. Алла вздрогнула и, держась дрожащими пальцами за подоконник, неуклюже перебралась на лестницу.

– Вот и умница. Молодец! Теперь потихоньку спускайся.

Когда светловолосая макушка исчезла внизу, Анна тоже перелезла на лестницу. Ей было страшно. Шаткая, как ей казалось, конструкция, не имея жесткой опоры, ходила под руками ходуном, но Анна заставляла себя не думать о плохом. Она обязательно спустится. Обязательно!

И она действительно, шаг за шагом, начала спуск. Когда ее голова поравнялась с подоконником, она потянула на себя сумку, которую оставила наверху, но та не поддавалась. Очевидно, зацепилась за какой-нибудь гвоздь.

Аня чертыхнулась и потянула сильнее. Тот же результат. Сумка затрещала, но с места не сдвинулась.

– Чтоб тебе, – прошептала Анна. Она глянула вниз. Алла благополучно добралась до второго этажа.

В ту же секунду Аня услышала страшный грохот над головой. Сноп огня вырвался из верхнего окна, расположенного над ее комнатой, под самой крышей. Лестницу повело в сторону, Анна почувствовала, что теряет равновесие, и вцепилась в перекладину обеими руками. Ей было уже не до сумки, та осталась в номере. Снизу раздался истошный крик, а затем глухой удар. Трясаясь от ужаса, Анна посмотрела вниз и увидела на асфальте Аллу. Над ней склонились люди.

Позабыв о страхе, Анна, быстро перебирая ногами по ступенькам, скатилась вниз и бегом бросилась к распростертому телу девушки.

– Что с ней? – спросила она пожилого мужчину в голубом халате «Скорой помощи», который осторожно осматривал Аллочку. К ним уже бежали люди с носилками.

– Жива. Почти не пострадала. Высота небольшая. Шок у нее, – деловито сообщил мужчина. – А вы ей кто?

– Никто.

– Сама-то как?

Анна удивилась вопросу. Она совсем забыла о себе, испугавшись за девчонку. Теперь она изумленно осматривала свои ободранные в кровь руки и черную от копоти одежду.

– Вроде бы нормально, – не слишком уверенно сказала она.

– Все равно раны промыть надо. Иди к машине.

Анна послушно направилась к машине «Скорой помощи». Она вдруг почувствовала, что у нее совсем не осталось сил, и очень удивилась. Буквально несколько минут назад она тащила на себе девушку, карабкалась по лестнице, сумела не упасть во время взрыва... А ведь и правда, на пятом этаже что-то рвануло. Да еще так сильно! Что это? Взрывчатку они там хранили, что ли?

Это было последнее, о чем она успела подумать, так как в следующую секунду потеряла сознание. То ли сказалось перенапряжение, то ли угарного газа в ее легких оказалось слишком много, а может, и то и другое.

* * *

– Просто кошмар какой-то, двадцать пять погибших!

– А раненых сколько? Вы только посмотрите на меня! Куда я теперь в таком виде?

– Хорошо хоть живы остались. Никогда бы не подумала, что в таком приличном месте...

– И не говорите! Хотя кто говорит о приличиях? В стране бардак, эти частные собственностики ни о чем не думают, им лишь бы карманы набить...

Негромкое бормотание доносилось откуда-то справа. Анна очнулась от сна и некоторое время прислушивалась к голосам двух женщин. Постепенно она вспомнила о том, что с ней произошло. Пожар, девушка, упавшая с лестницы, а затем – провал. Где она?

Она приоткрыла глаза и повернула голову. В большой комнате с двумя рядами кроватей вдоль стен кроме нее находилось еще восемь женщин. Шестеро лежали, а еще две сидели на соседней койке и оживленно беседовали, прихлебывая что-то горячее из одинаковых пластмассовых кружек. Анна почувствовала, что тоже хочет пить, в горле сильно саднило. Она приподнялась на локте и посмотрела на женщин. Одна из них, полноватая, средних лет, выглядела очень ухоженной, несмотря на то, что великолепно подстриженные и окрашенные в пепельный цвет волосы в данный момент торчали во все стороны. Цвет волос ее соседки определить было невозможно, так как они напрочь отсутствовали. Кожа на абсолютно лысой голове имела ярко-

красный цвет и почему-то блестела. Должно быть, ее смазали какой-то мазью от ожога. То, что эти женщины, так же как и она сама, проживали в злополучной гостинице и пострадали при пожаре, сомнений не вызывало. Значит, ее доставили в больницу. Неужели она так долго пробыла без сознания?

– Ох, дорогая, вы очнулись? Как вы себя чувствуете? – повернулась к Анне та, что была с волосами.

– Спасибо, вроде бы нормально.

– Это хорошо! – воскликнула лысая, с завистью глядя на пышные кудри Анны.

– Вы не знаете, давно я здесь? – спросила девушка, чтобы перевести разговор на другую тему.

– С самого утра, – с готовностью сообщила пепельная блондинка. – Вас привезли сразу после меня.

– А сколько сейчас времени?

– Скоро полдень.

– Неужели я так долго провалялась без сознания? – Анна вспомнила, что выбралась из горящего здания не позже половины четвертого утра, если сейчас двенадцать, то получается, что она провела восемь часов в отключке. Многовато.

– Вам вкололи успокоительное. Так что вы просто немного поспали, – пояснила словоохотливая соседка.

– Ясно, – кивнула Аня. – Вы не слышали, много людей пострадало?

– Ужасно много! – всплеснула руками женщина. – Да вот, посмотрите сами. Только что принесли. Экстренный выпуск. – Она протянула Анне какую-то местную газету. Первая полоса была посвящена пожару в гостинице «Парусник».

В глаза сразу бросилась большая, помещенная в самом центре страницы, фотография. Дорого и со вкусом обставленный кабинет: старинные напольные часы, тяжелый письменный стол... Огонь пощадил комнату, но смерть не пощадила хозяина этого кабинета: на столе, неловко вывернув голову, ничком лежал очень толстый человек. Он был мертв. А как же иначе, если в виске у него зияла большая черная дыра. Над столом висел портрет этого человека в полный рост. Словно в насмешку, господин Хворост выглядел на нем весьма довольным жизнью, по его круглому, лунообразному лицу блуждала легкая улыбка, хитро прищуренные, маленькие глазки иронично взирали на то, что осталось от живого прототипа...

Анна содрогнулась. Ей сделалось не по себе при виде этой картины, по коже пробежали мурашки. Подпись под снимком, набранная жирным шрифтом, гласила: «Хозяин гостиницы покончил с собой в своем кабинете, не в силах пережить ужасную катастрофу.»

Анна вспомнила встречу с Хворостом в коридоре четвертого этажа, его искаженное, безумное лицо, и у нее мелькнула мысль, что если он и покончил с собой, то, скорее, не от отчаяния, а оттого, что у него поехала крыша.

Пробежав глазами статью, Аня не нашла ответа на главный вопрос: отчего загорелся «Парусник». Корреспонденты сыпали подробностями, живописуя страдания раненых и размеры причиненного зданию ущерба, но о причинах пожара не было сказано ничего конкретного, несколько версий, упомянутых в статье, не стоило принимать всерьез, так как даже на неискушенный взгляд они выглядели слишком надуманными. Анну поразило то, что «Парусник» представлял настоящую ловушку в случае пожара: в нем не только не было запасных выходов и пожарных лестниц, но даже противопожарного дымохода! Точнее, он был, но испортился много лет назад, а чинить его никто не торопился.

Анна вспомнила о трупах в одном из номеров. О них в статье ничего не говорилось. Возможно, огонь успел добраться до этого номера и уничтожил улики. Но ведь эти люди были убиты, и, возможно, гостиницу поджег именно убийца, стараясь замести следы.

О взрыве также ничего не сообщалось. Впрочем, прошло слишком мало времени для того, чтобы провести серьезный анализ причин трагедии.

– Могу поспорить, они спишут все на несчастный случай, – прервала размышления Анны безволосая женщина.

– Почему? – машинально спросила та.

– А как же иначе, дорогая? А страховка?

– А при чем здесь страховка?

– Как вы наивны, дорогая! Да при всем! Пострадавшим и родственникам погибших обязаны выплатить компенсацию, а это суммы немаленькие, если имел место поджог. Но если удастся доказать, что пожар произошел из-за несчастного случая, то суммы выплат значительно сократятся. Теперь понимаете?

Нет, Анна не понимала. О каком случае может идти речь, если отель находился в таком ужасном состоянии? Не мог же Хворост не знать о том, что творится у него под носом! Конечно, знал, но мер не принял, и вот вам результат.

Анна хмуро размышляла об этом, когда в дверь вежливо постучали. Потом она открылась, но вместо доктора на пороге возник молодой, высокий парень в кожаной куртке. Он улыбнулся немного смущенно и спросил:

– Могу я увидеть Анну Владимировну Сомову?

Глава 6

Анна не сразу поняла, что речь идет о ней. Жуткие переживания прошедшей ночи напрочь стерли из ее памяти мысли о Барскове и предстоящей встрече. Теперь она спохватилась и проговорила:

– Я – Анна Сомова.

– Очень приятно, Анна Владимировна! – Парень расплылся в улыбке, как будто нашел близкую родственницу. – Меня прислал Александр Федорович. Вы в состоянии дойти до машины?

«Дойти-то я в состоянии, и не только до машины, – подумала Аня, – но с гораздо большим удовольствием я дошла бы до поезда и тихо-мирно отправилась бы восвояси. Домой очень хочется».

Однако она понимала, что вслух свои мысли обнародовать не стоит. Работа есть работа. И раз уж она здесь, живая и, кажется, вполне здоровая, то придется ей заняться своими прямыми обязанностями.

– Я чувствую себя вполне сносно, – улыбнувшись, сказала она. – Могла бы отправиться прямо сейчас, но, боюсь, с этим возникнут кое-какие проблемы: все мои вещи, кроме маленькой сумочки, сгорели при пожаре. А те, что были на мне, скорее всего, отправлены на свалку. Так что ехать мне попросту не в чем.

– Никаких проблем! – еще шире улыбнулся парень. – Александр Федорович все предусмотрел. Он позвонил вашему шефу, совместными усилиями они выяснили ваш размер и – вот!

С этими словами парень торжественно продемонстрировал большой пакет, набитый какими-то свертками. Под внимательными взглядами любопытных соседок по палате он протянул Ане пакет. Но она не торопилась его принять. Положение сложилось щекотливое: она еще не успела приступить к работе с клиентом, как уже вынуждена принимать от него, что бы вы думали, одежду!

Заметив сомнение в ее глазах, парень поспешно сказал:

– Вы не волнуйтесь, берите. Здесь все необходимое. Александр Федорович сказал, что это в счет вознаграждения.

– Это уже лучше, – усмехнулась Аня.

– Вы собирайтесь. Я за дверью подожду, а потом провожу вас в комнату, где вы сможете переодеться. – Сказав это, парень тактично выскользнул за дверь.

Анна встала с постели. Она была одета в казенную ночную рубашку, посеревшую от многочисленных стирок. На спинке кровати висел фланелевый халат – малиновые цветы по грязно-синему фону. Аня натянула его прямо поверх ночнушки и неуверенно огляделась в поисках сумочки.

– В тумбочку загляните, – посоветовала ей соседка. – Личные вещи должны быть там.

Так и оказалось. Сумочка со всем содержимым спокойно лежала на фанерной некрашеной полочке. Держа ее в руках, Аня направилась к двери. На пороге она обернулась, чтобы попрощаться, и заметила, что все еще сжимает в руке экстренный выпуск газеты. Каким-то образом она умудрилась надеть халат, не выпуская ее из рук.

– Простите, пожалуйста, – смущенно сказала она, протягивая газету соседке.

– Если хотите, оставьте ее себе, – пожала плечами та. – Мне она больше не нужна, а вас, я заметила, статья очень взволновала.

Аня поблагодарила, еще раз попрощалась и вышла из палаты.

Парень, как и обещал, ждал ее возле двери. Вместе они спустились в приемный покой, и Аня с пакетом оказалась в маленькой комнатке одна. Комнатка напоминала дежурку. На столе дымился оставленный кем-то чай. В блюдечке лежало надкушенное пирожное.

Чувствуя себя крайне неловко, Аня торопливо начала разворачивать многочисленные свертки. Там действительно было все, включая нижнее белье. Вещи были прекрасного качества и определенно стоили много дороже, чем она сама могла бы себе позволить. Но размеры! Анна хихикнула, приложив к себе бюстгальтер как минимум на два размера меньше, чем ей требовалось. Зато черные брюки были непомерно большими, они совершенно не желали держаться на бедрах, все время неэстетично соскальзывая на пол.

К счастью, Барсков позаботился о том, чтобы у нее был выбор, и прислал еще и юбку, которая, по счастливой случайности, оказалась с запахом, что позволяло надежно закрепить ее на талии, раза три обмотавшись длинным поясом. О том, чтобы надеть бюстгальтер, не могло быть и речи, придется остаться так как есть. Слава богу, грудь у нее хорошей формы, а под свитером и вовсе не будет заметно, есть на ней лифчик или нет.

Одевшись, Аня посмотрела на себя в зеркала, вделанное в дверцу обшарпанного шкафчика. Выглядела она на удивление прилично. К тому же ей было очень уютно в мягком широком свитере из ангорки.

– Да вы просто красавица, Анна Владимировна! – восхищенно воскликнул парень, поджидавший ее у двери в ординаторскую. – Кстати, меня Андреем зовут.

– Очень приятно.

– Ну что, в путь?

Машина, поджидавшая их в больничном дворе, отличалась от давешнего «тазика», как элитный перс-экстремал от дворового мурзика. Те же четыре лапы, пардон, колеса, а какая разница в экстерьере! Если честно, Анна и названия модели-то определить не могла, никогда в жизни таких машин не видела: огромная, как автобус, со стеклянной крышей, обтекаемая, словно капля. Красавец, а не автомобиль.

Андрей распахнул перед ней дверь и устроился рядом на обитом натуральной кожей сиденье. Аня-то думала, что он шофер, но оказалось, за рулем машины сидит совсем другой человек. Он мягко тронул авто с места, Аня откинулась на сиденье. «Хорошо живет лягушачий король, – усмехнулась она про себя, – только слишком уж он обо мне заботится. Хотя мне-то какая разница?» Она выкинула посторонние мысли из головы и приготовилась наслаждаться поездкой.

Все испортил неожиданно хлынувший дождь. Он падал сплошной стеной. Тяжелые частые капли лупили по окнам и крыше машины с такой силой, что казалось, стекло вот-вот лопнет. Анна поежилась, глядя на холодные струи. Ей вдруг стало холодно, она спрятала руки в широкие рукава свитера, пытаясь согреться. За окном, словно на экране большого телевизора, мелькали деревья и луга со скошенной травой. Чем дальше ехали, тем меньше становилось деревьев и больше равнин. В конце концов деревья исчезли вовсе, ровная, как тарелка, пустошь раскинулась по обе стороны дороги до самого горизонта. Не было видно даже небольших деревушек, которые обычно встречаются тут и там вдоль больших дорог. Местность казалась совершенно необитаемой. Да еще этот противный дождь. Вообще-то неудивительно, что здесь никто не живет, вот Анна, например, не согласилась бы жить в таком месте ни за какие коврижки.

– Как вам наши болота? – словно прочитав ее мысли, спросил Андрей.

– Так это болота? А я думала – просто луга...

– Нет, – засмеялся Андрей. – Не луга. Под этой зеленой травкой скрываются опасные топи. Жители немногих окрестных деревень знают особые тропки, а другим не стоит и соваться в эти места. Один неверный шаг и...

– И что?

– И все. Трясина засасывает мгновенно. Человек или животное, любой исчезает, словно его и не было никогда.

Рассказ звучал не слишком обнадеживающе. Анна не удержалась и спросила:

– Зачем же ваш хозяин выбрал такое малопривлекательное место для жилья?

– Бизнес, – пожал плечами Андрей. – Наши квакушки в других местах не живут. А здесь им раздолье. Вода чистая, не загаженная, никто их не беспокоит.

– Кроме вас.

– Да нет, мы диких не используем. Они слишком тощие, на филе не годятся. Мы разводим своих на фермах.

– А где они, эти фермы? Что-то я не вижу ничего похожего на жилье, – удивилась Аня.

– Еще рано. Они расположены дальше. Но вы не волнуйтесь, мы уже подъезжаем. И не берите в голову то, что я вам рассказал. Можете мне поверить, коттедж Александра Федоровича – это нечто особенное. В нем собраны все последние достижения в области бытовой техники. Просто рай, а не поместье. Да и соседей там хватает, есть даже деревушка, которой уже несколько сотен лет. Да вон, смотрите. Видите колокольню? Минут через пять будем на месте.

Анна и впрямь увидела впереди высокий и острый шпиль колокольни, вонзающийся в темное небо, точно игла. Появились небольшие перелески, в основном – ясень и береза. Дождь прекратился, хотя было по-прежнему пасмурно.

Дорога повернула направо и нырнула в лес, золотисто-прозрачный, как на картинах Левитана. Дальше дорога оказалась прямой как стрела, новенький асфальт стелился под колеса машины. Далеко впереди среди ветвей замелькала красная кирпичная стена.

– Ну, вот и приехали, – возвестил Андрей, показывая на шикарные ворота с изящной витой решеткой, которые при их приближении начали медленно отворяться, причем сами собой. За все время пути им не попался навстречу ни один человек, не было людей и здесь, что несколько удивило Анну. Неужели коттедж такого богатого человека никто не охраняет?

Машина сбавила ход и медленно въехала в ворота, которые, пропустив ее, опять же сами собой вернулись в прежнее положение, замок автоматически защелкнулся.

Еще метров сто, и Анна наконец увидела сам коттедж. В ту же секунду неожиданно выглянуло солнце. Тусклые лучи скользнули по величественному зданию. Анна замерла, пораженная удивительной картиной: все пространство перед домом было занято... георгинами. Их были сотни, тысячи! После серого пейзажа они слепили глаза своей яркостью, вспыхивали ярким пламенем, еще влажные от дождя. Они походили на гигантский костер, охвативший большой дом, и это зрелище завораживало.

– Невероятно! – воскликнула девушка, не в силах отвести глаз от великолепных цветов.

– Впечатляет, – согласно кивнул Андрей. – Особенно в первый раз.

Он помог Ане выбраться из машины, и они медленно пошли к крыльцу. Солнце уже вовсю сияло, прорвавшись сквозь тяжелые серые облака. Чисто вымытые стекла весело играли в его лучах, пуская солнечных зайчиков. Мокрая крыша блестела ровной темно-красной черепицей. От земли начали подниматься невесомые струйки пара.

Дом был выстроен в стиле загородных усадеб девятнадцатого века. Анну удивило, насколько точно архитекторам удалось воспроизвести все детали старого стиля. Над центральным входом нависал изящный балкон из кованого железа, но он не казался тяжелым, давящим, наоборот, он словно парил над мраморной лестницей, поддерживаемый изящными ажурными колоннами. В общем, дом выглядел весьма элегантно, несмотря на некоторую вычурность и старомодность.

Анна поделилась своими впечатлениями с Андреем, но у того ее заявление вызвало лишь усмешку:

– Этот дом на самом деле старинный. Его выскоблили изнутри как вареное яйцо, оставив только стены, и нафаршировали современной начинкой. Получилось то, что вы видите.

Он остановился перед мраморными ступенями.

– Поднимайтесь. Вас там встретят.

– А вы?

– А мне пора на работу. Еще увидимся. – Он махнул на прощание рукой, быстрым шагом пересек двор и скрылся за зеленой изгородью.

Анна вздохнула и стала подниматься по широким ступеням. Едва она перешагнула последнюю, резная входная дверь распахнулась, и девушка увидела мужчину в безукоризненном костюме. Каким-то шестым чувством она догадалась, что это кто-то из прислуги, хотя мужчина выглядел безупречно. Его глаза смотрели холодно, улыбка была искусственной, и все это вместе Анне не понравилось с самого начала. К тому же его лоб пересекал большой старый шрам, что само по себе, конечно, вызывало сочувствие, но в сочетании с ледяным взглядом производило немного устрашающее впечатление.

Следуя за своим провожатым, Анна очутилась в гостиной, которая поразила ее своей стерильной белизной. Андрей был совершенно прав, когда говорил, что начинка у дома весьма современна. Огромная, стеклянно-прозрачная, вымытая до хрустального блеска, заставленная живыми тропическими растениями, эта комната тем не менее выглядела очень уютной.

Середину ее занимал белый кожаный диван, рядом с ним – журнальный столик из матового стекла. Над камином Анна сразу же заметила необычные часы: бархатно-синий циферблат в окружении крупных, тщательно ограненных кусочков горного хрусталя и одна-единственная стрелка, усыпанная бриллиантами. Как ни странно, Анне были знакомы эти часы, хотя она думала, что они должны принадлежать какому-нибудь музею, ибо сделаны были в 1783 году знаменитым Бреге и считались утерянными... Конечно, над камином могла висеть и тщательно сделанная их копия, но Анна почему-то в этом сомневалась.

Если не считать часов, то обстановка гостиной была удивительно стильной, никакой кричащей роскоши и вульгарности. По-настоящему роскошной была только женщина, стоявшая возле окна и смотревшая на Анну с нескрываемым высокомерием. Высокая, худая блондинка, с подведенными вразлет, как два крыла, бровями, в золотисто-бежевом шелковом костюме, мягко струившемся вдоль идеального тела, она была очень хороша. Ее портило только выражение неприязни на холеном лице. Злость еще никого не красила.

Анна видела красотку впервые в жизни, но кто бы ни была эта женщина, она явно была настроена враждебно, хотя Аня никак не могла взять в толк, чем вызвала такую странную реакцию.

Женщина не поздоровалась, она вообще не произнесла ни слова, а просто уставилась на Анну. Разумеется, такой холодный прием не привел девушку в восторг. Она ответила таким же наглым взглядом, а когда ей надоело играть в гляделки, просто повернулась, подошла к белому кожаному креслу и уселась, не дожидаясь приглашения, закинув ногу на ногу.

Блондинка резко повернулась и, так и не сказав ни слова, быстро вышла из комнаты. Анна осталась одна. Но ненадолго, потому что вновь появился тот же человек со шрамом, который открывал ей дверь, и пригласил ее следовать за собой. Анна попыталась сосредоточиться, понимая, что теперь ей наконец предстоит встретиться с самим хозяином. Она немного волновалась, шагая по длинному коридору, но была уверена, что все пройдет как надо. В конце концов, он сам настоял на том, чтобы приехала именно она, а это могло означать только одно – он навел кое-какие справки и решил, что ее способности в рекламной сфере – именно то, что ему нужно.

Глава 7

Александр Федорович Барсков встретил ее более чем любезно. Он оказался именно таким, каким она его себе представляла. У него был смуглый цвет лица и неожиданно светлые глаза. Впрочем, почему неожиданно? Анна и сама от рождения была голубоглазой брюнеткой, и ее всегда бесили настойчивые расспросы новых знакомых по поводу внешности. Рот Барскова привлек ее внимание гораздо больше, чем цвет его кожи и глаз. Точнее, не рот, а нижняя часть лица. Сочетание чувственного изгиба губ и массивного, немного тяжеловатого подбородка позволяло сделать вывод, что мужчина обладает весьма противоречивым характером. В зависимости от настроения он мог быть либо сентиментальным, либо жестоким, упрямым и вспыльчивым. Тем не менее Анна не сомневалась, что Александр Федорович умеет прекрасно владеть собой, когда ему это необходимо.

Барсков вежливо расспросил Анну о ее самочувствии. Ее приятно удивило, что он говорит не просто на хорошем русском языке, а на безупречном, не засоренном множеством вводных слов и междометий. Его речь звучала несколько старомодно, и это навело Анну на мысль, что по крайней мере часть имеющейся у нее информации об этом человеке абсолютно достоверна: так мог разговаривать только тот, кто провел детство и юность за границей.

Когда со взаимными любезностями было покончено, Анна решила, что пора приступить к делу. Она достала из сумочки ручку и блокнот, пристроила его на коленях и сказала:

– Для начала мне бы очень хотелось ознакомиться с имеющимися у вас видеоматериалами. Это необходимо, чтобы решить, стоит ли организовывать дополнительные съемки. Хорошо бы посетить и саму... ферму, мне нужно знать то, о чем я собираюсь рассказывать аудитории. Кроме того, понадобится список ваших заказчиков – чем больше, тем лучше, это хорошо скажется на имидже, и еще...

Анна оборвала себя на полуслове, так как поняла: Барсков ее не слушает! Он сосредоточенно размышляет о чем-то, даже не пытаясь делать вид, что следит за ее монологом.

– Что-то не так? – настороженно спросила Аня, внимательно глядя на Александра Федоровича.

– Нет-нет, Анечка, вы все правильно говорите, – поспешно ответил он. – Я готов предоставить вам полную свободу действий, но... немного позже.

– Как это?

– Мне не хочется выглядеть в ваших глазах мелким интриганом, но, к сожалению, должен признаться, что я вас немного... обманул. Точнее, не вас, а вашего руководителя, милейшего господина Сидорова.

Анна похолодела. Глядя на него, она сухо спросила:

– Вы раздумали проводить рекламную кампанию?

– Да нет же, дело совсем не в этом.

– Тогда я ничего не понимаю. Зачем откладывать начало работы? Чем быстрее я получу все необходимые данные, тем раньше мы запустим первые ролики. Как раз успеем до новогодних праздников.

– Это не важно. Месяцем раньше, месяцем позже. Я вообще пригласил вас совсем по другой причине.

– Это уже интересно, – проговорила Анна, медленно закрывая блокнот. – И что же это за причина?

– Я знаю о ваших способностях, – заявил Барсков, твердо посмотрев на нее. Его лицо вдруг стало жестким. – Я имею в виду не рекламную деятельность, а нечто совсем иное, то, что не поддается пониманию. Скажу честно, я сам не верю во всю эту чертовщину. Точнее, не верил до недавних пор, но...

– Не понимаю, о чем вы говорите, – перебила его Аня. – Какая чертовщина?

– Вы ведь обладаете способностями экстрасенса? – прямо спросил он. – Возможно, я неправильно выразился, но я не слишком разбираюсь в терминологии. Колдовство, магия, ясновидение... Понимаете, что я имею в виду?

– Откуда вам это известно?! – Анна вскочила на ноги, рассерженная тем, что ее провели, как ребенка.

– Я наводил о вас справки. Вы, возможно, не знаете, но слух о ваших способностях распространился далеко за пределами города, где вы живете. Особенно после этого случая с ожерельем сатаны... Насколько мне известно, вы не просто владеете магией, вы обладаете хорошей головой и ясным рассудком, что почти исключает вероятность мошенничества с вашей стороны и позволяет надеяться, что вы способны справиться с очень сложной задачей. Насколько я успел узнать, вы практически безупречны...

– Спасибо за комплимент, но...

– Подождите благодарить, я еще не закончил, – резко сказал Барсков. Анна прищурилась, пытаясь сдержать раздражение. – У вас есть всего одна странность – вы ненавидите мужчин.

– Что-то не припомню, чтобы я давала объявление об этом по всесоюзному радио, – процедила Анна.

– Не кипятитесь. Меня не волнует ваше отношение к представителям сильной половины человечества, тем более что я знаю: ваша нелюбовь к мужскому полу вовсе не означает любви к своему собственному. Вы – одиночка. По жизни или по убеждению, какая, собственно, разница? У меня возникли крупные неприятности, и я думаю, что вы сможете помочь мне их разрешить. За услугу я заплачу более чем щедро.

Он замолчал. Молчала и Анна. Она могла бы просто развернуться и уйти, хлопнув дверью. Она никому не позволит играть с ней, точно со слепым щенком. Больше всего ее бесила ложь и людская самоуверенность. Этот самодовольный болван, очевидно, считает, что его богатство дает ему право распоряжаться людьми, как глупыми марионетками. Стоит только пожелать – и все случится само собой. Как бы не так!

Однако Анна понимала, что невольно угодила в хорошо расставленную ловушку. Она за несколько десятков километров от железнодорожной станции, между ней и городом – непроходимые болота и совершенно безлюдные места. Если Барсков окажется достаточно циничным, ему ничего не стоит применить шантаж, ведь добраться до города она может только на его машине.

– Не стоит считать меня хуже, чем я есть на самом деле, Анна Владимировна, – спокойно сказал Барсков. – Вы наверняка решили, что я заманил вас сюда и теперь потребую выполнить задание в обмен на свободу? Вы ошибаетесь. Я предлагаю вам сделку, не более того. Вы можете отказаться, и тогда я немедленно распоряжусь, чтобы вас доставили на вокзал. Конечно, в этом случае я беру назад свое предложение, касающееся рекламной кампании, – увы, оно имеет силу, только если вы пойдете мне навстречу, – но я готов возместить ваши транспортные расходы полностью. Вещи также принадлежат вам. Ну так что? Что вы решили?

Анна не хотела терять заказ. Очень выгодный! Хитрый Барсков успел назвать сумму контракта, и эти деньги пришлись бы весьма кстати для агентства. Но она не может согласиться помогать ему в схватке с темными силами, которые – теперь она это ясно чувствовала – поселились в доме. Кому, как не ей, знать, насколько страшной и рискованной может оказаться эта борьба. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы произнести:

– Я не могу принять ваши условия и потому считаю, что мне лучше поскорее вернуться в город.

Она заметила, как Барсков весь как-то сник, услышав ее слова. Но он умел держать удар. Немного помолчав, он сказал с достоинством:

– Воля ваша. Не буду притворяться, что это решение меня не огорчает. Я очень надеялся, что вы сможете мне помочь. Но слово свое я сдержу. Машина будет готова через десять минут.

Он кивнул ей, и Анна покинула кабинет. На душе у нее было мерзопакостно. Погруженная в свои невеселые мысли, она быстро миновала белую гостиную, холл, вышла на крыльцо, спустилась по ступеням во двор и медленно пошла по извилистой дорожке, отрешенно глядя на огненно-красные цветы.

Задумавшись, она отошла довольно далеко от дома. Ей показалось, что она почувствовала чей-то взгляд. Анна быстро обернулась. На дорожке позади нее никого не было. Она перевела взгляд на дом и в одном из окон второго этажа действительно увидела силуэт человека. Зрение у Ани было паршивое, и с такого расстояния она не могла определить – мужчина это или женщина. Человек, увидев, что она заметила его, не стал прятаться, точно знал, что она все равно не сможет его разглядеть. Одно было ясно – это не Барсков. Тогда кто же? Кому захотелось проследить за тем, как она покинет это место? Холодной блондинке? Или человеку со шрамом? А может, кому-то еще? Кого-то очень беспокоил ее приезд. Анна кожей чувствовала, что это так.

Внезапно она услышала шум и крики, доносящиеся откуда-то слева. Из-за высоких кустов георгинов она не видела, что там происходит. Но голос звучал испуганно, и она, забыв про человека в окне, бросилась вперед.

Девушка выбежала на открытую площадку в тот самый момент, когда туда же с другой стороны вылетел огромный жеребец. Конь был черен как ночь, грива его была длинна и перепутана. И он несся прямо на нее. Человек в зеленом комбинезоне, тяжело дыша бегущий следом, истошно завопил от ужаса, понимая, что еще секунда – и конь просто раздавит неожиданно появившуюся девушку.

Анна это тоже понимала. Достаточно одного удара мощного копыта – и она останется калеккой на всю жизнь. Избежать столкновения не было никакой возможности.

– В сторону! Прыгай в сторону! – заорал конюх, размахивая руками.

Точно не слыша, она резко остановилась и, глядя прямо в обезумевшие глаза жеребца, протянула вперед руку с перстнем. Ее губы быстро зашевелились, нужные слова вспомнились сами собой, и черный конь... внезапно замер всего в нескольких сантиметрах от хрупкой фигурки с развевающимися волосами.

– Молодец, хороший мальчик, хороший, – прошептала Анна, поворачивая руку ладонью кверху и протягивая ее вздрагивающему всем телом жеребцу. Конь фыркнул, разметав в стороны клочья белой пены, мотнул головой и неожиданно тоненько заржал. – Не бойся, малыш, ну, иди ко мне. Вот так, вот и умница.

Конь нервно переступил копытами, вытянул шею и коснулся мягкими губами протянутой ладони девушки. Она погладила его другой рукой по спутанной гриве, ее глаза, обращенные к лошади, приобрели необыкновенно мягкое, даже нежное выражение.

– Красивый, Опал, какой ты красивый...

– Откуда вы знаете, как его зовут? – раздалось за ее спиной. Анна обернулась, продолжая поглаживать коня. Рядом с ней стоял Барсков, он выглядел удивленным.

– Его действительно так зовут? – спросила Анна.

– Да. Но вы-то как могли узнать об этом?

– Ну, вы же сами сказали, что я ведьма... – Она усмехнулась.

– Я не называл вас ведьмой...

– Да какая разница, как вы меня назвали? Суть-то одна.

– Не могу понять, как вам удалось остановить Опала. Ведь он несся прямо на вас. Я увидел это с крыльца и бросился на помощь, хотя был уверен, что вас уже ничто не спасет. Это что, тоже какая-то магия? Мне показалось, что вы что-то шептали...

– Так оно и было, – подтвердила Анна. – Заклинание.

– И что, любой, кто выучит несколько строчек в рифму, может вот так, запросто, остановить взбесившегося жеребца?

Анна рассмеялась. Опал недовольно фыркнул, но не сделал попытки отойти от девушки.

– Выучить можно, – с насмешливой улыбкой кивнула она. – Но если вы в последний момент что-нибудь перепутаете или забудете – даже одно слово – лошадь раздавит вас в лепешку. Такие случаи бывали. Так что пробовать не советую.

Водитель посигналил, сообщая, что машина готова. Анна неохотно оторвалась от коня и сказала, подавив вздох сожаления:

– Ну, мне пора. Прощай, Опал. Всего доброго, Александр Федорович.

Она повернулась, чтобы идти к машине.

– Подождите! – остановил ее Барсков. – Вы, я вижу, очень любите лошадей. У меня есть новое предложение: если вы останетесь и будете работать на меня, то сможете пользоваться моей конюшней в любое время.

Анна замерла. Она действительно любила лошадей до безумия. Эта любовь началась много лет назад, когда ее, сопливую еще девчонку, отправили на каникулы в деревню. Там имелись лошади, хотя от тяжелой работы они выглядели не лучшим образом. Но Анна, впервые увидевшая вблизи живого коня, была зачарована и с тех самых пор целыми днями торчала на конюшне. Конюхи, вечно пьяные деревенские мужички, скоро привыкли к ней и не прогоняли. Анна была счастлива. Она помогала ухаживать за лошадьми, кормила их, чистила, не обращая внимания, что ее одежда насквозь пропиталась конским потом.

Однажды, находясь в хорошем настроении по поводу приобретенной по случаю бутылки дешевого самогона, конюх Вася предложил бойкой девчонке:

– Хочешь прокатиться?

– А можно?

– Да запросто. Вон, бери Графа и езжай. Только седла я тебе не дам. Да Граф смиренный, не сбросит.

Конь, носящий гордое имя Граф, на самом деле был полуслепым серым в яблоках меринком, но Ане он казался самым прекрасным скакуном на свете. Не помня себя от счастья, она подвела мерина к поленице, с ее помощью вскарабкалась на широченную спину и легонько сжала его бока пятками. Покачиваясь, точно большой корабль, Граф тронулся медленным шагом. Конюх, посмотрев ей вслед, хихикнул, но Аня его даже не услышала.

Наконец-то она ехала верхом! Ей хотелось визжать от восторга. Она забеспокоилась только тогда, когда поняла, что коняга везет ее напрямик в санаторий. Он находился неподалеку от конюшни, и Граф, который возил туда воду, мерно вышагивал по знакомому маршруту. Анна совсем не собиралась ехать в санаторий, она попыталась развернуть коня в обратном направлении, но без уздечки это было непросто.

– Стой, ну стой же! – жалобно просила Аня, дергая коня за жесткую гриву, но тот не обращал никакого внимания на почти невесомую всадницу, как не обращал внимания на назойливых мух.

Ей все же удалось уговорить его остановиться перед самыми воротами в санаторий, но сразу же возникла другая проблема. Теперь мерин встал как вкопанный и, похоже, не собирался трогаться с места. Аня не могла слезть с него, а двигаться дальше он не желал ни в какую. Чего только она не делала: просила его, уговаривала, колотила пятками, даже подпрыгивала, но Граф продолжал стоять, вяло помахивая хвостом и пощипывая травку.

Неожиданно Ане пришла в голову блестящая идея: она дотянулась до ветки орешника, отломила тонкий прут и легонько шлепнула коня по спине. От такой наглости Граф оторопел. Он послушно развернулся на узкой тропинке и резво потрусил обратно. Завидев впереди знакомые ворота конюшни, хитрюга попытался завернуть туда, но Аня снова шлепнула его веточкой и конь повернул к реке.

Решив отделаться от странной всадницы раз и навсегда, Граф бросился в реку. Аня завизжала, выронила прутик, вцепившись обеими руками в жесткую гриву, и зажмурила глаза от страха. Но конь вовсе не собирался топиться. Он зашел в воду по брюхо и снова замер. Положение было хуже не придумаешь. О том, чтобы теперь слезть с коня, не могло быть и речи, прутик она потеряла. Оставалось только сидеть и ждать, когда Графу надоест принимать ванну и он сам выберется на берег. И Аня сидела. Время от времени она делала слабые попытки договориться с упрямым меринном, но он никак не реагировал. И вдруг...

По реке ходили «Ракеты» и «Метеоры». Должно быть, кто-то из матросов заметил странную картину: стоящую в воде лошадь и жалкую фигурку девчонки, елозившей у нее на спине.

– Но-о-о-о!!! – разнесся над рекой чей-то голос, многократно усиленный мегафоном. – Но-о-о-о!!!

И конь среагировал! Он шарахнулся в сторону и резво выбрался на берег, неся на спине замерзшую в холодной воде всадницу. А над рекой разносился чей-то веселый смех.

Потом у Анны были другие лошади, она научилась прекрасно держаться в седле, впрочем, прекрасно обходилась и без него. Она пользовалась любой возможностью, чтобы проехаться верхом. Ее самой заветной мечтой стало иметь своего собственного коня. Это была несбыточная, но такая красивая мечта...

– Ну что, Анна? – вывел ее из воспоминаний настойчивый голос Барскова. – Вы не передумали?

– Кажется, я начинаю понимать, как вам удастся добиваться потрясающих успехов в бизнесе, – сказала Анна, покачав головой. – Вы правильно рассчитали. Теперь я останусь.

Глава 8

– Я рад, что сумел вас переубедить, – сказал Барсков, и в его голосе послышалось нескрываемое облегчение. – Мне бы очень хотелось ввести вас в курс дела как можно скорее, но я понимаю, что вы очень устали. Кроме того, я думаю, вам нужно сначала взглянуть на всю картину непредвзятым взглядом. За ужином у вас будет такая возможность. А пока вы можете отдохнуть, если захотите – покатайтесь верхом. Денис поможет вам выбрать подходящую лошадь.

– А могу я взять Опала? – спросила Аня, с любовью глядя на черного коня.

– Опала? Вы уверены? – Барсков, слегка нахмурившись, бросил вопросительный взгляд на парня в комбинезоне. Тот смущенно топтался в стороне, понимая, что за допущенную оплошность его по головке не погладят. Сейчас он решил воспользоваться случаем, чтобы как-то загладить свою вину.

– Только не Опал! – авторитетно вставил он. – Это черт, а не жеребец. Никакого с ним сладу. Он даже еще не объезжен до конца. Сбросит вас – и все дела. А мне потом отвечать.

– Вот видите, – повернулся к Ане хозяин. – Выберите любую другую лошадь.

– Не хочу показаться назойливой, но мне бы очень хотелось попробовать Опала, – мягко, но твердо сказала Анна. Она была уверена, что получит то, о чем просит. Барскову требовалась ее помощь, и это давало ей некоторое преимущество. Что касается строптивного нрава жеребца, то она не боялась его, она понимала это сильное, гордое животное и чувствовала, что Опал отвечает ей взаимностью.

– Будь по-вашему, – согласно кивнул Барсков. – Берите Опала. После того, что я только что видел, уверен – вы с ним справитесь.

Анна улыбнулась и потрепала жеребца по холке.

– Спасибо, я с радостью воспользуюсь вашим гостеприимством.

– Денис, оседлай его, – велел Барсков. – И постарайся обойтись без новых сюрпризов. А вам, Анна, придется вернуться в дом, горничная покажет вам вашу комнату и принесет перекусить.

Они пошли по дорожке обратно к коттеджу. Опал тоненько заржал, вытянув вслед ей голову.

– Я вернусь, – пообещала Анна, оборачиваясь.

В холле их уже поджидала горничная, молоденькая девушка с глуповатым, но добрым лицом. Сейчас она выглядела испуганной, и Анна поняла, что девушка видела то, что произошло во дворе. Отлично, слуги здесь любопытные, а это может ей пригодиться.

– Маша, проводите Анну Владимировну в ее комнату, – сухо сказал Барсков. Потом обратился к Анне, и голос его стал немного мягче. – Мы ужинаем рано, в шесть часов, так что я попрошу вас вернуться с прогулки к этому времени.

Анна кивнула. Почему-то ей показалось, что это предупреждение больше похоже на приказ, но она решила не придавать значения мелочам.

Вместе с Машей Аня поднялась на второй этаж. Ее комната была очень уютной, хотя оформлена довольно просто, в так называемом кантри-стиле: деревянные кровать и небольшой шкаф в углу, письменный стол и несколько плетеных кресел с разноцветными подушками того же цвета, что и ситцевые занавески на окне. Вся эта обманчивая простота стоила больших денег. Вот, например, такое кресло она заметила недавно в магазине. Когда Аня увидела его цену, то подумала, что кто-то из продавцов нечаянно приписал парочку лишних нулей.

– А где ваши вещи? – наивно спросила Маша, косясь на скромный пакет в руках Ани.

– Сгорели, – просто ответила девушка.

Горничная хихикнула, думая, что гостя шутит, но Аня пояснила:

– В гостинице, где я остановилась, ночью вспыхнул пожар. Я выбралась, а сумка с вещами осталась в номере.

– Какой ужас! – всплеснула руками Маша. Выражение страха, мелькнувшее в ее глазах, было столь явным, что Анна насторожилась. Конечно, то, что произошло с ней прошлой ночью, – ужасно, но к этой милой девочке происшествие не имеет никакого отношения. Такие, как она, реагируют на подобные новости весьма бурно, но ими руководит, скорее, любопытство. А Маша испугалась по-настоящему. Почему?

Девчушка смотрела на Анну во все глаза, ей очень хотелось поболтать с гостьей, но она побаивалась. Аня решила ей немного помочь. Она попросила принести горячего чая. Пить хотелось ужасно, и чай был бы весьма кстати.

Когда Маша вернулась с подносом, на котором стояло все необходимое, включая аппетитные бутерброды с курицей, Аня предложила девушке разделить с ней этот импровизированный обед. Маша покраснела. Очевидно, в этом доме было не принято фамиллярничать с прислугой, но Анна и не привыкла к наличию прислуги, девушка ей понравилась, и она надеялась узнать у нее что-нибудь интересное, завязав разговор.

От чая Маша категорически отказалась, зато согласилась просто посидеть рядом, чтобы составить компанию.

– Давно вы работаете здесь? – спросила Анна, с наслаждением отпив несколько глотков чая из чашки.

– Не очень, – с готовностью откликнулась горничная, – года два, наверное.

– Дом большой. Много народу здесь живет? – продолжала расспрашивать Аня.

– Постоянно – только хозяин с хозяйкой. Гости бывают, но редко. А в последнее время и вовсе никто не приезжает. Из чужих, я хочу сказать.

Анна отметила эту фразу. Раз есть чужие, значит, имеются и свои. Интересно, кто же это? Но спрашивать в лоб она побоялась. Девушка отчего-то погрузилась, как будто вспомнила о чем-то неприятном. Анна терпеливо ждала, когда она захочет продолжить разговор. Но Маша молча теребила кружевной передник, стараясь не смотреть на Анну. Та сделала еще одну попытку:

– Вам здесь нравится? – спросила она.

Маша пожала плечами.

– Нормально. Хозяйка, конечно, не сахар, а что до хозяина, так он нас и не замечает, пока нос к носу не столкнется. Платят, правда, хорошо.

– Хозяйка – это высокая блондинка? – уточнила Аня.

– Она, – скривилась Маша. – Строит из себя невесть что, можно подумать, что она по крайней мере маркиза какая-нибудь, а на самом деле у нее ни роду ни племени. И имя себе придумала – Сандра! – Маша презрительно фыркнула.

– Значит, мне предстоит сегодня ужинать с господином Барсковым и его женой, – задумчиво протянула Анна.

– Нет, еще Демин наверняка пожалует. Ну, и сын Александра Федоровича, Гера, он недавно как раз приехал.

– У Барскова есть сын? – почему-то удивилась Аня. Сандра показалась ей еще молодой, не больше двадцати пяти, а сынок, похоже, уже взрослый, раз способен приезжать и уезжать самостоятельно.

– Это от первого брака, – объяснила Маша. – Ему уже тридцать.

При упоминании о Германе Маша почему-то зарделась и смущенно шмыгнула носом. Аня решила, что на первый раз она получила достаточно информации. Если понадобится, она всегда сможет разговорить болтливую горничную, а пока, если честно, Анна и сама толком не знала, что именно ее интересует.

Быстро покончив с бутербродами, Аня собралась отправиться в конюшню, чтобы поближе познакомиться с великолепным Опалом, но в самый последний момент вспомнила, что у нее нет подходящей одежды. Брюки, которые она получила от Барскова, ей очень велики, а других попросту нет. Ладно, – решила она, – если подвязать их чем-нибудь и сверху прикрыть свитером, то получится вполне сносно. Аня окликнула Машу, которая, подхватив поднос с посудой, была уже у самой двери:

– Машенька, не могли бы вы принести мне какой-нибудь пояс, или хотя бы веревку?

– Зачем?

– Брюки подвязать, чтобы не свалились, – честно ответила Аня. – Мои вещи пропали, и господин Барсков презентовал мне кое-какую одежду, но ошибся в размере. Мне нужны брюки для поездки верхом, а они велики.

Маша хихикнула и заявила:

– Веревка вам ни к чему. Сюда раньше часто приезжали гости, чтобы покататься на лошадях, и у нас есть большой выбор одежды для верховой езды, всех размеров. Я вам принесу. – Она окинула Анину фигуру быстрым оценивающим взглядом. – У вас сорок четвертый?

– Вроде бы.

– Я сейчас.

Всего десять минут спустя Анна уже спешила по направлению к конюшне в новеньких эластичных брючках и наброшенной поверх свитера ветровке. Опал, уже оседланный, приветствовал ее ржанием. Анна прихватила с собой кусочек хлеба с солью, конь с благодарностью принял угощение.

Аня вскочила в седло и тронула поводья.

– Вы там поосторожнее с ним, – напутствовал ее конюх.

– Не волнуйтесь. Мы с ним поладим, – улыбнулась она.

– Хорошо, если так. Но с тропинки не сворачивайте и возвращайтесь до того, как стемнеет.

– У вас что, водятся дикие звери? – попробовала отшутиться Аня.

– Нет, звери не водятся, зато есть кое-что похуже, – мрачно ответил конюх. Хлопнув жеребца по крупу, он резко развернулся и быстро пошел прочь.

Выехав за ворота, они свернули на широкую, хорошо утоптанную тропинку, ведущую в глубь леса. Опал вел себя великолепно. Чуткое животное реагировало на малейшее движение всадницы. Дав ему время привыкнуть к себе, Анна направила его сначала рысью, а потом и легким галопом. Она чувствовала себя счастливой, вдыхая полной грудью терпкий аромат прелых листьев.

Неожиданно они выскочили из леса на открытое пространство. Аня слегка натянула поводья, и конь послушно замер. Зрелище, открывшееся ее глазам, было поистине прекрасным. Все пространство до самого горизонта было дымчато-сиреневым и голубым.

Анна спрыгнула с лошади и попробовала идти пешком. У нее создалось впечатление, что она идет по тончайшей сети над бездной. Так переплетена была трава, так густа и девственно-нетронута. Она дышала под каждым шагом, словно живая. Неужели это и есть болота? Должно быть. Какая обманчивая красота! Красота, скрывающая смертельную опасность. Анна залюбовалась тончайшими желтовато-зелеными стеблями каких-то растений с дымчатыми соцветиями и сочной нежно-зеленой травой, кажется, она называется мокрицей и растет не только на болотах, но и в любых влажных местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.